

A detailed illustration of a medieval scene. In the foreground, a woman in a red dress and a knight in full plate armor stand side-by-side. The knight is holding a sword. In the background, there is a stone wall, a red flag, and other people in medieval attire. The scene is set in a town square with stone buildings.

Дмитрий Леонидович

ПОПАВШИЙ В
НЕКРОМАНТА
1

*Выдать замуж
баронессу*

Мир некромантов

Дмитрий Леонидович

**Попавший в некроманта 1.
Выдать замуж баронессу**

«Автор»

2022

Леонидович Д.

Попавший в некроманта 1. Выдать замуж баронессу /
Д. Леонидович — «Автор», 2022 — (Мир некромантов)

Наш герой погибает и попадает в тело охотника из другого мира. Мира, в котором есть магия, но при этом совсем не сказочного. Герой будет искать свое место в новой жизни. Сталкиваться с опасностями и сражаться, искать преступников и способ заработать, выбирать союзников и женщин. Он просто будет жить.

Содержание

1. Странное пробуждение	5
2. Дефрагментация памяти	13
3. Отеллю воскрес	22
4. Подготовка к путешествию	28
5. Бой в лесу	41
Конец ознакомительного фрагмента.	45

Дмитрий Леонидович

Попавший в некроманта 1.

Выдать замуж баронессу

1. Странное пробуждение

Ты не был добрым, мир.

Прощай.

Ты больше мне не интересен.

** * **

Меня разбудил птичий щебет.

Приятно.

Вообще, это пробуждение было каким-то легким и светлым. Хотелось встать и куда-то бежать. И рука не ныла. И поясница. И тяжести в голове не было.

Легкий ветерок. Запах цветов. Солнечный луч нагрел щеку. Прохладные травинки щеко-чут ухо.

Открыл глаза. Надо мной – летнее небо. Голубой цвет к горизонту переходит в насыщенную синеву. Никакого серого оттенка, всегда заметного в больших городах. Сбоку зеленые ветки деревьев колышутся. И трава высокая. По пояс.

В штанах что-то шевельнулось. Утренний стояк это называется. В туалет хочу.

Приподнял голову, привстал на локтях. Как-то легко привстал. Живот не мешает. Где мой живот? Нет живота. Зато есть рубаха без застежек из грубой ткани сероватого цвета. Дальше ноги в штанах из такой же ткани. Ниже штанов – ступни. На ступнях – мягкие замшевые ботиночки с отворотами. Мокасины это называется?

От удивления я сел.

Тело изумительно легко движется.

Почему-то я наряжен в очень правдоподобную имитацию древней одежды. Рубаха скроена из цельного куска полотна и сшита по бокам толстыми нитками, крупными стежками. Ручная работа, факт. И сама ткань грубая. Не как современная мешковина, которая из толстой нити, но сделана аккуратно. Ткань рубахи соткана вручную, плотность плетения неровная, полосками, и сама нить неровная, с утолщениями и узелками.

Руки. Мои руки – не мои. Запястья намного шире и жилистые. Пальцы толще. Ладони тоже чуть шире, чем я помню, и намного грубее. Кожа на тыльной стороне грубее, зато не видно вспухших вен.

На левом запястье прямо поверх рукава – широкий кожаный браслет, на кожаной шнуровке, стянутой по наружной стороне руки.

Руки не мои. Раз руки не мои, то и остальное тело – тоже не моё?

Что за бред?

Что было вчера?

** * **

Я ехал на день варенья к внуку.

Съехал с шоссе на узкую дорогу, которая шла к поселку, где у сына дом. Под колеса ложились две колеи, наезженные в тонком слое снега. Ехал аккуратно, не торопился. Резина у меня хорошая, и машина хорошая, но съехать неожиданно с асфальта на мокрый снег – на любой резине неприятно.

Музычка какая-то играла.

Я сидел расслабившись, на дорогу поглядывал, кончиками пальцев руль чуть придерживал. Мне нравится моя машина. Я в ней себя как в хорошем костюме чувствую – удобно, комфортно, всё нужное под рукой. Вот моды на внедорожники не понимаю – сидишь в нем, как в автобусе.

Рядом жена была, Аня. Мы молчали. Мы вообще мало говорим. Всё уже давно сказано за столько лет, понимаем друг друга с полувзгляда. Жена у меня красивая. Сейчас уже не так, конечно, раздобрела. А лет до тридцати была удивительной красавицей: высокой, изящной, гибкой. Улыбчивая, с яркими голубыми глазами, длинными пшеничными волосами. Смотрелась она сногшибательно.

Из-за ее красоты даже как-то был неприятный инцидент: пока я вытаскивал деньги, зависшие во время кризиса в Китае, и спасал свой заводик, ей один офисный мачо по ушам проехал, любовь у них случилась. Такой он, бальзаковский возраст – мозги вроде уже есть, а привычки ими пользоваться – еще нет. Я почувствовал – что-то не так, нанял детектива, тот собрал доказательства. Если бы не маленькие дети – не знаю... выгнал бы, наверное. А так – предъявил супруге фото и записи разговоров. Сказал, что наши дети будут воспитываться в полной семье. Предупредил, что моя жена мне изменять не должна, хочет она того или нет. Объяснил, сколько стоит в нашей стране человека убить. Тогда это действительно недорого стоило, если обычный человек, не олигарх, бандит или чиновник. Поговорили тогда с женой, она приняла правильное решение, больше такого не повторялось. А чтобы дома не скучала и от безделья не искала проблем, я ей тогда с карьерой помог.

После того кризиса еще пару заводов по дешевке взял – я смог выстоять, а они – нет. Один владелец нормальным мужиком оказался, второй – подлецом. Деньги за контрольный пакет взял, а моего директора на завод пускать отказался. Вместо этого стал газетные статейки о рейдерском захвате проплачивать и активы выводить. Судились с ним три года. Такие вот нечестные бывают люди, до сих пор как вспомню, сколько он из меня нервов вытянул, – противно.

Ехали мы с Аней, молчали. Предвкушали, как детей и внуков увидим. Мимо машины какой-то проехали, на обочине стояла. Я удивился еще – для прогулок по лесу не сезон, для любителей секса в машине – от Москвы далековато.

Потом впереди стоящий грузовик показался. Потом в его кузове вспышка, дырка в лобовом стекле, и боль. И темнота, как будто свет постепенно гаснет.

* * *

Это меня убили что ли?

И я попал в другое тело в другом мире?

Так действительно бывает?

Ну, раз других версий нет – значит бывает.

Может, конечно, мое тело сейчас в коме лежит, и я в предсмертном бреду. Но с виду всё вокруг настоящее, и тело настоящее, и боль (дернул себя за волоски на руке) – настоящая. Значит, для моего здоровья будет лучше, если я отнесусь к окружающему, как к реальности.

Интересно, жена выжила? Должна бы. Скорость была небольшой, она пристегнута. Убийцам добивать ее вроде незачем.

Странно это.

Зачем меня убивать? И кому это надо?

Таких долгов, ради которых стоит убивать, передо мной ни у кого не было.

Конкуренты давно так не действуют.

Партнеры? Смысла нет – сын уже давно в курсе всех дел и в состоянии перехватить управление.

Жена захотела таким способом свободу получить? Бред. Дети взрослые, могла бы просто на развод подать, если ей это надо, я бы не сопротивлялся.

Сыну незачем. Дочь тоже не обижена.

Стоп! Дочь не обижена, а зять? Мог он захотеть всего и сразу? Ну, вообще этот мог бы, да... И теперь через дочь он получит солидные деньги. Так что самый вероятный заказчик, получается, он. Теперь Машке самой с этим счастьем жить, папка помер, пора взростеть.

Ну да ладно, теперь уже ничего не изменишь, им я не помогу никак.

Надо жить здесь и сейчас.

Где это «здесь» и когда это «сейчас» – вот в чем вопрос.

Важнее даже – кто здесь я.

* * *

Встал. Огляделся вокруг.

Рядом – опушка, заросшая кустами. Деревья над ними высокие и разлапистые. Листочки у них такие, сердечками. Значит, не дубы и не клены. И не елки. На этом мои познания деревьев кончаются.

В другую сторону – степь, поросшая высокой травой. По пояс примерно, а кое-где торчат стебли выше головы. Цветами полевыми сильно прёт, и немного – терпким запахом травы, нагретой солнцем. Пчелы летают и осы, цветы окучивают. Цветы – мелкие синие, мелкие белые и мелкие желтые. Такое вот разнообразие.

Вдалеке, на холмике, домики стоят. Деревня. Дома вроде бревенчатые, с соломенными крышами, но это не точно – далеко слишком, плохо видно. Кстати, зрение у меня хорошее теперь, раньше очки носил, лет с сорока, а теперь и без них всё вижу отлично.

Дорога неподалеку проходит, ее видно, как длинный разрыв в траве.

Опасностей никаких поблизости не заметно.

В первую очередь чуть в сторону отошел, помочился на травку. Очень надо было. Хотел штаны приспустить, оказалось – они не на резинке, на завязках. Пришлось задира́ть рубаху, разбираться, что там и как.

* * *

Вокруг меня пятно примятой травы. Это я тут лежал. И тропинка есть, которой я сюда пришел со стороны леса.

Палка длинная лежит. Длиннее моего роста. Посох? Нет, не посох. Посередине утолщение, оно обмотано полоской кожи и удобно ложится в руку, от него в обе стороны палка становится плоской и тоньше. На концах гладкие аккуратные канавки прорезаны. Еще сбоку над рукояткой прорезано углубление до половины ширины. Как-то эта палка привычно в ладони лежит. В левой – привычно, а в правой – не так.

Рядом сумка на широкой лямке, сшитая из домотканого полотна.

Из травы выглядывает кожаный тубус. Не тубус, тул это называется. Как колчан, только колчан для всадников, он широкий и плоский, а этот цилиндрический, он для пешеходов. Из тула стрелы торчат. Значит, эта двухметровая палка с канавками на концах – лук.

Стрелы вытащил, посмотрел. Две стрелы – с игольчатыми наконечниками, остальные, штук десять, – с листовидными. Я читал: листовидные – для охоты, игольчатые – кольчугу пробивать. Наконечники к древку примотаны тонкой проклеенной бечевкой. С другого конца древка перья примотаны нитью, тоже проклеенной.

На моем поясе – ножны с массивным ножом. Деревянная рукоять с выемками для пальцев хорошо ложится в руку. Клинок обычной ширины, с толстым обухом, односторонней заточкой, раза в полтора длиннее моей кисти руки. Пожалуй, таким можно при необходимости крупного зверя заколоть, если он первым меня не завалит. Для убийства человека такой длинный не нужен. Видно, что нож не новый, – лезвие заметно сточено. Сталь плохая, потемневшая.

Кроме ножен к поясу подвязан небольшой кошель из кожи. Внутри десятка два мелких серебряных монет. Монеты грубо отштампованные, самые мелкие даже не круглые, а неровными овальными чешуйками. На одной стороне у них что-то нарисовано, есть какие-то знаки –

может, надпись или цифры, мне непонятные. На другой стороне – простенькие рисунки. Одна стрела, три стрелы или пять стрел. Сабля, две сабли. Звезда. Всплывает из подсознания – это обозначение номиналов: десять стрел равны одной сабле, десять сабель – круглый серебряный рубль со звездой, пятнадцать рублей – золотой с короной. Откуда я это знаю – не знаю, просто знаю.

В сумке лежит: черствый кусок пшеничного круглого хлеба, завернутый в ткань; бутылка из небольшой высушенной тыквы, с водой; моток пеньковой веревки; маленький нож; пара мотков скрученных сухожилий, которые я опознал, как тетивы для лука; несколько наконечников для стрел. Удивило, что к тетиве для лука на концах были привязаны петли, сделанные из кожаных шнуров. Потом вспомнил – это чтобы петли менять, когда снашиваются, а сама тетива от трения о плечи лука не страдала. Кроме тетивы в сумке нашелся кусок плотной кожи с ремешком и лямкой. Оказалось – это нагрудник на правую сторону груди, чтобы рубашку и грудь тетивой не цеплять при выстреле. А кожаный браслет на левой руке – чтобы тетива по запястью не хлопнула и рукав рубашки выстрелу не помешал. Еще в сумке лежит всякая хозяйственная мелочевка: моток суровых ниток с толстой иглой; трут, кремь и кресало – огонь разжигать (я не сразу сообразил, что это); деревянная табакерка с солью; глиняная плошка; деревянная ложка; полотенце; кусочек коричневого мыла; чистые тряпицы. Наибольшее недоумение вызвала маленькая глиняная бутылочка с какой-то зеленой вонючей жидкостью (лекарство? средство от комаров? краска для лица?).

Рядом еще лежит птица, убитая стрелой, что-то вроде фазана, с длинным ярким хвостом.

* * *

Себя осмотрел, в том числе под одеждой.

Под рубашкой и штанами белья нет.

Зато есть жилистое тело. Молодое тело, кожа гладкая, упругая. Шрам на левом предплечье, от грубо зашитой раны. Рваная рана, такую могли бы зубы зверя оставить. Пощупал подбородок – мягкая бородка курчавится. Судя по ней, телу лет восемнадцать, может. Может чуть больше. С одной стороны под бородкой бугристый шрам прощупывается.

Мышцы и осанка у этого тела, как у борца – как-то знакомый в баню сына-призера приводил, вот он так выглядел – как спартанский воин из фильма, только настоящий, без анаболиков.

Интересно, я такой мускулистый, потому что я какой-то воин? Или тут все так выглядят? Судя по одежде и снаряжению, я в средневековье. А средневековый крестьянин за день километров двадцать пешком проходил и при этом еще и работал руками. Так что надо исходить из того, что я – крестьянин. Правда, с луком. Крестьянин с луком в средневековье – это уже не просто крестьянин, а браконьер. Если поймают, могут и повесить на ближайшем дереве у дороги. Чтобы другим неповадно было господскую дичь стрелять.

* * *

Если у меня есть оружие, надо уметь с ним обращаться. Попробовать надо.

Взял тетиву. Взял лук. Как одно на другое натянуть? Сначала надел петельку на один конец, попробовал согнуть лук и так, и этак – не получается. Потом как-то само собой получилось: одно плечо лука на землю опустил, ногой переступил через него, нижний конец в голень уперся, середина – сзади в бедро, второе плечо рукой согнул, чтобы на него тетиву накинуть. Сделал всё это привычно и быстро.

Выходит, у моего тела есть какая-то память, иначе такую ловкость не объяснить.

Попробовал стрелять. В дерево. Оказалось – помнят руки, как это делается. И глаза помнят. Нужно только не мешать телу действовать. Стрелу наложить, лук ровно перед собой, пальцы на тетиве под стрелой, рука с высоко поднятым локтем плавно оттягивает тетиву под скулу. Потом пальцы отпускают, стрела летит и с сухим стуком входит в цель, а лук дергается в ладони так, что я чуть не уронил его в первый раз. Не с первого раза, но стал попадать. Сначала

– метров с трех. Потом дальше отошел, потом еще дальше, метров на двадцать, и еще пострелял. Потом одна стрела сломалась, я прекратил. Вроде получается, незачем стрелы ломать. Снял тетиву, чтобы она не портилась, и лук не ослаблялся.

* * *

Со снаряжением разобрался, вокруг посмотрел, теперь самое время подумать.

Жалею ли я, что меня выкинуло из прошлой жизни сюда? Нет, не жалею. Абсолютно. Я этому рад.

Внуки и без меня как-то вырастут, дети взрослые, с женой мы жизнь прожили яркую, за потраченные годы не стыдно. Бизнес и прочее имущество – дело наживное.

Зато теперь я в молодом теле, трава опять зеленая, ничего в организме не ноеет, и тянет на подвиги.

Большинство молодых парней и девушек, которые мечтают о богатстве, известности или власти, даже не представляют, каким сокровищем они обладают совершенно бесплатно – молодостью. Обладают и потратят, чтобы получить красивые игрушки. Или просто потратят и ничего не получают взамен.

Так что я считаю: обмен всего, что у меня было, на молодость – отличный вариант, однозначно.

Что теперь делать? Это вопрос, да.

Идти к людям? Они поймают, скажут: «Ты браконьер, батенька, и тебя надо повесить». Или поговорят со мной (это если я вообще понимать их язык буду), заовпят: «Держите демона!», и сожгут, например. Или я на какого-то местного важняка напорюсь, тот решит, что я ему недостаточно почтительно поклонился, и копьём живот мне проткнет. Или мужики толпой запинаят меня ногами из ксенофобских побуждений, потому что я не из их деревни.

В общем, картина встречи с людьми может оказаться разной.

Так что торопиться с этим не следует, сначала надо осмотреться. А когда осмотрюсь – начну контакты с кем-нибудь безобидным. Какую-нибудь Красную Шапочку в лесу поймаю и поговорю с ней. Или одинокого крестьянина найду. Если разговор пойдет не так, можно будет и прикопать его, в крайнем случае, с одним-то я справлюсь. Наверное. Главное, на профессионального военного не нарваться, потому что с таким я точно не справлюсь, хоть я по виду и крут, как вареное яйцо. Это я для моей прошлой жизни мускулист и силен, а тут я просто крестьянин с луком. И любой боевой педераст меня просто зарежет, как скотину, если у него такое желание возникнет. Потому что у него есть броня и меч, и он с детства тренируется резать людей.

Итак, к людям я торопиться не буду.

А пока можно попробовать пройти по своим следам, по тропинке, которую мое тело вытоптало, когда сюда шло. Может, пойму, кто я здесь, а может, найду что-то интересное.

* * *

Я пошел по полоске примятой травы к лесу, проскользнул в прогалину между кустами, под кроны деревьев.

Дальше моё тело легко и непринужденно, как бы само собой, перешло на бег. Размашистый легкий бег вдоль почти незаметной тропки с примятой редкой травкой. Бег воспринимался привычно и естественно, как обычный способ передвижения. Минут через пять я понял, что никаких признаков усталости не появляется, бежать так я могу еще долго. Тело даже радовалось возможности размяться.

«Наверное, я не крестьянин, – сделал я вывод. – Крестьяне ходят пешком, а не носятся, как сайгаки, по едва заметным лесным тропкам. Значит, я профессиональный охотник». Эта мысль порадовала. Тело охотника – это намного интереснее в части физических возможностей, потому что если средневековый крестьянин проходил за день километров двадцать, то охотник – не проходил, а пробегал, и не двадцать, а вчетверо больше. Бойцом меня это не делает, но

возможности шире. Во всяком случае, я могу от почти любого противника просто убежать. Не могу убежать от атакующего хищника, от конницы в степи, ну и еще от стаи волков, вставшей на след зимой. Как-то так.

Тело само выбирало путь, подсознательно. Мое сознание ему не мешало. Сознательно не мешало – я решил, что так будет правильно.

Иногда в голове всплывали обрывочные образы. Вон та тропинка мне неудобна, потому что она кабанья, и когда она пройдет через заросли, кусты над ней будут смыкаться, человек не пройдет. А вот если здесь не свернуть, то дальше будет полоса густого кустарника, через которую быстро не пробежать. А там, за холмиком, будет ручей, где можно напиться.

Похоже, моя голова хранила в подсознании массу полезной информации. Некоторые вещи, которые я видел вокруг, цепляли и вытаскивали из глубины новые для меня знания. Это давало надежду, что я постепенно вспомню, кем было моё тело, и местный язык вспомню, и обычаи. Нужно только чтобы память упорядочилась. Я понадеялся, что во время сна процесс усвоения памяти должен ускориться.

Позже я узнал, что я отмахал без остановок километров тридцать. За два часа. И даже дыханием не сбилось – легкие качали воздух, сердце билось равномерно, ноги не чувствовали усталости. Хорошее тело мне досталось, что тут сказать.

Целью моей пробежки оказалась землянка с торчащей над землей двускатной крышей из бревен, покрытых сверху дерном и землей. Моя землянка.

* * *

Со стороны землянка выглядела, как невысокий покатым холмик посреди соснового леса. Углубление со ступеньками вниз и дверь были видны только вблизи и только с одной стороны. Окон не было, как и печной трубы. Вместо нее – отдушина над дверью.

Рядом с тропинкой, метрах в пяти от землянки, был вбит в землю невзрачный колышек с вырезанным на нем знаком. «Амулет», – подсказало подсознание. Точнее, это был один из шести замыкающих символов, ограничивающих круг действия, чтобы амулет нельзя было обнаружить издали, и чтобы разряжался он медленнее. А главная часть амулета находилась внутри землянки.

Амулет отгонял животных, без него жизнь в лесу стала бы намного неприятнее и опаснее. Самыми неудобными гостями были медведи и мыши. Медведи могли в отсутствие хозяина разворотить землянку, чтобы добраться до пищи. А мелкие грызуны не только портили бы запасы, но и разносили опасные болезни. Болезни – это очень серьезно, и вдвойне серьезнее – когда ты один и до ближайшего жилья два часа бега. А еще этот амулет отгонял насекомых. Комаров, моль, мух, блох – всех.

«Раз здесь есть амулет, значит – есть магия!» – сообразил я.

* * *

Дверь была заперта толстой палкой. Вешать на нее какой-то замок – смысла нет. Если амулет почему-то не работает, от зверя и палки достаточно, а если человек придет – тут одно из двух: либо человек порядочный, и в чужой дом сам без крайней нужды не полезет, либо – непорядочный, и тогда в отсутствие хозяина никакой замок не поможет, дверь разворотит. Откуда я это знаю? Не знаю. Вот просто – знаю.

Отпер, зашел. Проем дверной низкий, пришлось наклоняться. За наружной дверью небольшой тамбур со ступеньками и еще один проём, нормальной высоты. Зимой он полостью из оленьих шкур завешен, а сейчас открыт.

Землянка внутри не большая, но и не маленькая. Метра три в ширину, метров шесть в длину. В целом выглядит почти пустой – мебели мало, пространства много.

Дверь я сначала оставил открытой, чтобы хоть что-то видно было, пока светильник зажгу. Зажег: кресалом огонь в очаге добыл, от трута лучину поджег, от нее – фитиль светильника. Светильник – глиняный маленький чайничек, вроде заварочного, только форма другая:

емкость меньше, носик толще и длиннее. Как будто сначала глубокую миску из глины вылепили, а потом ее края сплющили и из них вылепили носик, ручку и горловину под крышечку. Внутри светильника – масло какое-то жидкое. Через носик фитиль протянут, его конец из носика наружу торчит, горит и светит, иногда потрескивая. Горит почти без копоти. Ради этого масло растительное покупать приходится, потому что если салом светить – воняет сильно. Мне не нравится, да и нельзя охотнику в провонявшей одежде ходить – зверь почует.

Со светильником в руке обошел жилище, осмотрелся.

Стены и потолок бревенчатые, пол земляной, утопанный и чисто подметенный.

Около входа на вешалке зимняя одежда висит. Куртка из меха, по виду – как из соболя, только цвет не шоколадный, и не рыжеватый, а какой-то серебристый с черными пятнами. Рядом – унты-чулки, из такого же меха, длиной до верха бедра, с подвязками – чтобы к поясу цеплять. Шапка типа «треух», мех такой же, уши на длинных завязках, сзади – шею прикрывает до спины. Рядом шуба из волка. Вид у нее потрепанный, неновый. Под вешалкой сапоги стоят зимние, сшитые мехом наружу, из оленя вроде.

Передняя часть землянки отведена под «кухонную» зону: тут очаг из глины и камней сложен, рядом дрова, сбоку от двери стол стоит.

Стол сколочен из лесин, без гвоздей, соединены они «в шип». Столешница – из толстых досок, сделанных из расколотых бревен и остроганных только сверху. Около стола бочонок с водой, рядом в корзинах еда – мешок с крупой, с мукой, горшочек с медом, еще какие-то свертки. На деревянных колышках, вбитых в бревенчатую стену сквозь щели между бревнами, висит вяленое мясо. Много мяса.

Тут же рядом всякая утварь стоит – ведра деревянные, широкая бадья, горшки, корзины, посуда. В углу инструмент всякий сложен – лопата деревянная с железной полосой по краю, пешня, топоры разных размеров. Под стеной полка сделана и на ней плотницкие инструменты разложены.

Копье, с большим листовидным наконечником и привязанной под ним поперечиной, стоит отдельно, ближе к двери. Рядом лук лежит на колышках, вбитых в стену, – этот для осени, он сделан из дерева, которое от влаги упругость не теряет. Корзина стоит с прутьями – это заготовки для стрел. На колышках свисают десяток кожаных скрученных шнуров с грузами на концах. Это под тетиву заготовки сушатся-тянутся. Тоже на осень, жилые тетивы плохо влагу переносят, растягиваются, кожаные в этом смысле лучше.

В задней части помещения на полу лежит шкура медведя. Большая.

Еще одна – вместо одеяла на широкой кровати. Это не кровать даже, а толстый тюфяк, набитый сеном, лежащий на земляной полке, оставленной выше уровня пола, когда эту землянку копал. Длинная подушка, сделанная по ширине кровати, тоже набита сеном.

Рядом стоят коробка, сплетенные из лозы – с одеждой, с простынями. Еще один отдельно – с мехами. Это мой золотой запас. Шкуры для бытовых нужд лежат кипой рядом.

Ну вот, осмотрелся. Это мой дом. И вызывает он у меня ощущение тепла, уюта и покоя.

* * *

Приближался вечер.

Пока не наступила темнота, я сходил к ручью, набрал воды.

Понял, что после пробежки через лес голоден. Не в смысле «пора пообедать» или «не съесть ли мне чего-то вкусенького», а – «жрать хочу!».

Разжег очаг. В землянке была устроена какая-то вентиляция – дым потянуло в отдушину над дверью.

Готовить было лень. Отрезал краюху подсохшего хлеба, завернул во влажную тряпицу, положил на камень рядом с пламенем, чтобы подогрелся. Вскипятил воду в котелке, бросил туда какие-то листья и соцветия, подсыхающие в маленькой корзинке на столе. Похоже на мяту,

но запах другой. Пока вода закипала, нарезал тонкие ломтики вяленого мяса. Мясо темное, без жира. Оленина?

Хлеб, после нагревания и отпаривания, стал почти как свежий. Вкусно. Намного вкуснее, чем то, что сейчас продают в супермаркетах на Земле. В детстве, помню, хлеб был таким же вкусным и то – не любой, а именно пшеничный подовый. А если вприкуску с хорошим мясом, и запивать горячим настоем душистой травки – то вообще здорово. Да еще и принимал я это блюдо на голодный желудок.

Как наелся, сразу потянуло в сон.

Вышел наружу, потребности организма справил, результат в ямку прикопал. Почему прикопал? Так надо. Чтобы пейзаж около жилья не портить и запах не разводить. Потому что запах – это не только не эстетично, но еще и привлекает хищников.

Вокруг уже сумерки. По лесу не походишь, темно, да и хищники вышли на охоту.

Интернета нет, телевизора нет, сочинять развлекательные книги тут, судя по всему, тоже еще не научились. Делать нечего. Совсем. И спать охота – устал от свалившихся на меня впечатлений.

Светильник оставил зажженным, без него в землянке вообще ничего не видно.

Зевнул, разделся и залез под медвежью шкуру – спать. Шкура немного пахла шерстью, непривычно и привычно в то же время. Под ней оказалось уютно и тепло. Устроился поудобнее, зевнул еще раз и отключился.

2. Дефрагментация памяти

Я был разломан на куски.

Потом собрал себя и склеил.

* * *

Мне снилось, как я бегу.

В старом доме моих родителей две длинные комнаты были соединены дверным проемом, получалось много пространства, на котором можно было разогнаться. Однажды я разогнался так сильно, что почувствовал на своем лице встречный ветер. Я бежал и радовался тому, какой я быстрый – вот, даже ветер в лицо. Раньше такого никогда не было, и позже почему-то не получалось бегать с таким ярким ощущением скорости. Вот эта вот детская радость стала моим самым ранним воспоминанием о себе. Сколько мне было тогда? Два года? Три?

Я проснулся с улыбкой.

Вокруг было темно. Светильник погас. «Только масло зря выгорело», – мелькнула мысль. Через отдушину над дверью пробивался свет, который давал возможность ориентироваться. Да и если бы было темно, не беда – я бы все нужное нашел на ощупь.

Потому что я всё вспомнил.

Теперь во мне жило две памяти.

Я помнил, что происходило со мной в течение всей моей жизни на Земле.

И я помнил эту землянку, этот лес, себя – молодого охотника по имени Тимос.

Работала эта новая память слегка неудобно. Когда мой взгляд падал на какой-то предмет, она вытаскивала из глубины все ассоциации, которые с ним связаны у Тима.

Вот медвежья полость на кровати: это мой первый медведь. Я выследил его зимой по следам, срубил молодую березку с развилкой, заточил концы веток и обжег их на костре для прочности. Потом дождался медведя у пограничного дерева, на котором он оставлял свои метки, раздражил его и принял на рогаину. Медведь был не очень крупный, молодой, но уже успел обзавестись собственным охотничьим участком.

«Почему зимой медведь не спал?» – удивилась часть меня. «Что, разве медведи могут всю зиму спать?» – удивилась другая часть меня. Местные медведи отличались от земных. По воспоминаниям Тима, они были крупнее, с более длинными лапами, имели короткую и широкую морду, как у сенбернара, только больше и не такую лобастую.

И так со всем, что я видел вокруг, – любая вещь вызывал пучок связанных с ней образов. Но работало это кусками, обрывками. Одно воспоминание могло потянуть за собой другое, но чтобы составить логичную и цельную картинку, приходилось сосредоточиваться и заставлять себя вспомнить, как бы задавать себе вопросы.

Это одна проблема. Вторая – воспоминания Тима по большей части были образными. Если я пытался сформулировать их словами, я начинал думать на низотейском языке. А если я думал в обычном режиме, я думал на русском. И совместить одно с другим оказалось чрезвычайно сложно. Я не мог просто перевести с языка на язык, я или думал местными образами и словами, или переключался на русский. Не получалось сформулировать мысль на русском, а потом высказать ее вслух на низотейском. Это было сложно и долго. А вот сразу подумать на низотейском – легко и просто, но сложные понятия в этом языке отсутствовали (или Тим их не знал), да и из известных понятий сложные мысли составить не удавалось.

Потому что логическое мышление мне досталось от земного меня.

Еще от земного меня мне достались моральные принципы. Как это работало? Если я вспоминал что-то из жизни Тима, я вспоминал и отголоски его эмоций. Но это были именно воспоминания. А сейчас оценивал я события по-земному. Вот, скажем, Тим с детства жил в бедной крестьянской семье. Он был счастливым здоровым ребенком, пока не потерял отца.

Но я-земной от некоторых его воспоминаний впадал в состояние шока. Хотя, по здравому размышлению, из этого шока быстро выходил. Просто понимал, что всякая мораль зависит от условий, и у всякого обычая есть причины.

Земному мне, например, странно, что отец может с матерью сексом заниматься, когда рядом на кровати еще пятеро детей лежат. А тут это – обычное дело. Потому что нет тут отдельных спален у крестьян, есть одна горница и общая кровать на все семейство, включая дедушек и бабушек. Кажется диким, что любая крестьянка может юбку задрать и присесть на огороде погадить, на глазах у родственников и соседей. А иначе – никак. До строительства сортиров в деревнях еще народ не дозрел, в лучшем случае ямки роют на краю огорода. И так со многими вещами – сначала в оторопь бросает, а потом понимаешь – иначе тут не получится.

Чувственная сфера досталась мне в наследство от тела Тима. Со всей яркостью ощущений молодого парня, включая гиперсексуальность. Воспоминания о моей земной жене или любовнице вызывали скорее интерес, а вот от образа подружки Тима сразу возникало острое желание и... всякие физиологические реакции. Умом я понимал, что подружка эта, Милка, – простая крестьянка, вовсе не фотомодель, и с эстетической точки зрения мне вообще малоинтересна. К тому же в этом мире еще не изобрели журнал «Космополитен», поэтому женщины не были в курсе, что нужно худеть, а целлюлит – это ужасная болезнь и уродство. Они вообще слова «целлюлит» не знали, зато носили его с гордостью. Для меня-земного это было неприемлемо, а Тиму эта мясистая гордость ужасно нравилась, особенно на ощупь. При этом во всем, что касалось женской красоты, у охотника было преимущество перед землянином: как у всех молодых мужчин, крови у нашего тела хватало либо на работу мозга, либо на эрекцию члена. Когда в голове возникали видения мягких грудей или круглой задницы, происходила эрекция и логическое мышление землянина отключалось. Такая вот досада.

Еще от Тима мне в наследство достались навыки движений. Тело помнило, как бегать, держать в руке лук, бить охотничьим ножом.

* * *

Этот нож когда-то спас мне-охотнику жизнь. Дело было в конце позапрошлой зимы.

На мой след встал крупный медведь.

Этот зверь умеет двигаться очень тихо, а у меня под снегоступами скрипел снег, так что услышал я его, только когда он на меня бросился. Медведь напал «свиньей», на четырех лапах, быстрыми прыжками. Времени у меня было – всего пара ударов сердца. Я успел развернуться, направил копьё (зимой крупные хищники нападают на человека, поэтому приходится ходить с копьём), прижал его к боку и наклонился вперед, чтобы принять удар зверя всем весом своего тела.

Рогатина попала хорошо, насколько это возможно при такой атаке. Наконечник вошел в плечо между левой лапой и шеей, на всю глубину до поперечины. Это примерно три-четыре ладони (мера длины «ладонь» меряется поперек ладони, а не вдоль, получается сантиметров десять). Рана получилась страшная, если бы было время – зверь истек бы кровью. Но времени не было. Мало убить медведя – надо еще и самому при этом выжить.

Удар туши хищника, который весил почти вдсятеро тяжелее меня, откинул меня назад, но на ногах я удержался. Я успел опустить пятку копьё и упереть ее в землю. Наконечник еще больше порвал плечо медведя, но разъяренного зверя это не остановило. И на расстоянии от меня не удержало – не хватало длины копьё: вот если бы в грудь попало – хватило бы, а в плечо – нет.

Медведь встал на дыбы, во весь свой трехметровый рост. Первый удар он нанес лапой. Правой, здоровой, левая у него уже не работала из-за раны. Мне сверху вниз по плечу попал. На ногах я устоял. Потом зверь дотянулся пастью и начал грызть мою голову, шею, левое плечо. Если бы дело было летом, на этом моя жизнь и закончилась бы. Остался бы без скальпа, без лица и без руки. С такими ранами при местном уровне медицины не выживают, даже если

сразу не истечь кровью. Но дело было зимой – меня спасли шуба и шапка из волчьего меха. Прокусить шубу хищник смог, но серьезно порвать меня – уже нет, только кожу, и то не везде.

Я стоял под весом зверя, упираясь изо всех сил, наклонял голову, пытаюсь уберечь лицо от зубов. До сих пор ярко помню его запах, шумное ворчание и тяжесть лапы. Копье я оставил, оно так и упиралось острием в рану зверя, а пяткой в землю. Освободившейся рукой вытащил охотничий нож. Первый удар направил в левый бок, под лапу. Нож вошел удачно, по рукоятку. Но толку от этого было мало, медведь продолжал меня грызть. До сердца я так достать не мог, оно у него посередине груди, еще и нож мог застрять между ребер.

Следующие удары я нанес в шею. Нож пробивал толстый слой меха и мягко входил на всю глубину. Выдергивал я его с оттяжкой, чтобы расширить рану. После второго удара медведь замер, после третьего – тяжело отвалил в сторону и упал на снег. И издох.

* * *

Вся схватка заняла время в несколько вдохов.

Медведь тихо хрипел на снегу и умирал. Я стоял рядом, шатаюсь, и пытаюсь отдышаться. Моя шуба была забрызгана кровью зверя. Рубаха пропиталась собственной кровью.

Левая рука висела неподвижно – удар лапой сломал ключицу, а зубы сильно помяли мясо на плече. Шею защитил воротник шубы. На лице клыком порвало щеку. Еще кое-где неглубокие раны от зубов были, но это мелочь.

Опустился на колени. Промыл порванную щеку чистым снегом. Приладил кусок кожи на место, примотал его тряпицей. Концы ее зажал зубами – завязать одной рукой не смог. Так и держал всю дорогу.

Левую руку в перевязь положил, чтобы не болталась при ходьбе.

Пошел в деревню, к сестре.

Добрел туда уже ночью. Сестра промыла раны, приладила ровнее порванную кожу на щеке, зашила. Голову обрила, чтобы раны очистить. Перевязала, где нужно. Руку подвязала удобно, чтобы не беспокоить плечо.

Потом всё начало весны провел у нее – лечился.

Отношения у нас с ней всегда были хорошие – я и раньше регулярно приходил в гости, помогал ей, приносил то фазана, то зайца. Весной, когда старые запасы уже кончились, а из нового только редиска и зеленый лук успевают вырасти, такая помощь ее детям жизнь сохраняла. Племянники меня любят, а я – их. После того лечения стал к ним еще чаще приходить, и каждый раз – с подарком. Не только потому, что благодарен был, – пока я болел, успел в деревне себе подругу присмотреть...

* * *

Чтобы как-то упорядочить свои знания об окружающем мире и своей прошлой жизни охотника, я после завтрака вышел наружу, сел на чурбан, поставленный для этого рядом с землянкой, и стал вспоминать.

Страна, в которой я живу, называется Низотезия. Старая ее часть, горные баронства, небольшая, это десяток долин в горах. Вокруг них – скалистые горы, которые никому не нужны. Интересны эти баронства тем, что народ там живет очень воинственный.

Занимаются они в основном разведении скота на горных склонах. Там, где пониже – коров и лошадей, где повыше – овец и коз, а на границе ледников – лам. Ну, не совсем земных лам, но очень похожая животины, разновидность верблюда. Очень у нее шерсть теплая и длинная. Зелени в долинах и на склонах много, животноводство процветает. Но пригодных для полей земель мало. Горцы догадались захватить немного земель в окрестностях, на равнине. И тем самым решили проблему голода. Потом наладили торговые связи, стали торговать шерстью по всему континенту. Появились у них деньги.

А дальше случился у них демографический всплеск: еды достаточно, детей родится много, смертность маленькая. Места в долинах для всех не хватает. Что делать? Ответ хорошо

отработан в истории – всех молодых парней, не имеющих своего хозяйства – на войну. Грабить соседей. Деньги на покупку хорошего оружия и наём магов есть, от торговли шерстью получены. Кто-то во время набегов погибнет. Кто-то останется и вернется с добычей. Край богатеет, лишние самцы утилизируются. Всем хорошо, кроме мертвых, но мертвые не протестуют.

Куда девать лишних девок, спросите вы? А замуж. А чтобы дисбаланс между выжившими парнями и дамами устранить, в обычай вошло каждому мужчине брать двух жен: одну в молодости, когда после первого военного похода хорошую добычу принес, вторую – когда зажиточный мужчина к среднему возрасту приблизился (а его первая жена или умерла от родов и болезней, или постарела). Очень удобный и практичный обычай. Который, ко всем прочим преимуществам, помогает сохранить высокую плодовитость.

Теперь представьте, с какой охотой молодые парни рвались грабить соседей. Вот вам бы лет в шестнадцать сказали: «Сходи, повоюй, вернешься с добычей – жениться разрешим. А не пойдешь воевать – не разрешим». Жениться-то всем в этом возрасте охота... ну или погулять по соседним странам, понасиловать – тоже вариант. Тем более что войско всегда сопровождает маркитантки и шлюхи. Что половина вояк может не вернуться – не страшно, в молодости смерти не боятся.

В общем, горцы стали очень-очень воинственным народом.

Потом, как и викинги, и германские варвары, и татары всякие, горцы сообразили, что грабить – дело хорошее, но зачем грабить, ходить туда-обратно, если можно захватить насовсем? Сначала захватили окрестную равнину. Обложили крестьян данью. Построили замки. Но там население бедное, так что горцам равнинные баронства полезны для продовольственного снабжения, а богатств там не оказалось. Потом горячие горцы прошли через Большой лес на север, в прибрежные баронства, закрепились там, устроили пятидесятилетнюю войну с Алитанией, и в результате отхватили у нее несколько больших жирных кусков с крупными портовыми городами. Так образовалась Прибрежная марка.

Теперь Низотезия состоит из трех разнородных кусков: богатые и воинственные горные баронства, бедные равнинные баронства и очень-очень богатая Прибрежная марка с крупными городами, которая по своему статусу соответствует земному герцогству. Герцог вроде подчиняется Совету горных баронов, но в своей марке почти суверен и даже немножечко бог.

А между Прибрежной маркой и баронствами на пару сотен километров протянулся Большой лес. В отличие от земного европейского средневековья, когда все угоidia кому-то принадлежали, Большой лес ничей. Там может свободно жить и охотиться любой человек. Только желающих там жить не много – слишком сложно это и опасно.

* * *

Тимка родился в деревне на краю равнины, на границе с Большим лесом. Недалеко от деревни как раз одна из дорог через лес проходит, из баронств в Прибрежную марку. Родная деревня была бедной: собственной ведьмы в ней не было, поэтому урожаи были низкими, скот болел часто, регулярно голодные года случались.

В семье Тимка был шестым ребенком из девяти.

Большая семья – богатая семья. Если много детей – много помощников по хозяйству. Так что жили они хорошо, относительно сыто. Дети-пяtilетки приглядывали за самыми младшими. Восемилетки помогали с мелкими делами, которые им по силам. Десятилетки учились работать в поле и ремеслам. Лет с двенадцати – помогали по хозяйству, как взрослые. Девочек в пятнадцать выдавали замуж, парней выделяли в отдельное хозяйство лет в шестнадцать или чуть позже.

Двое из старших детей умерли от болезней еще до рождения Тимки.

Тимке было лет пять, когда прошел мор. Отец умер, хотя был еще крепким, ему чуть больше тридцати было. Из братьев и сестер умерло двое. Тимка выжил.

Вдова, уже слишком старая для второго замужества, тридцатилетняя, осталась с пятью детьми, из которых приближался к совершеннолетию только один сын.

Всё бы ничего, но барон решил, что мор – это не повод снижать подати. И деревенский староста не стал пересматривать распределение налога по хозяйствам, не важно – есть в семье кормилец, или нет.

Много ли наработает на поле вдова с детьми? Первую зиму протянули на старых запасах. Пришлось продать корову, за бесценок, нечем было ее зимой кормить.

Потом еще засуха прошла, два года подряд. Как мать и старший брат ни старались, но одну задницу на три половинки не порвешь, семья стала голодать. Тогда самый младший брат умер от голода, а мать – от болезни, зима была холодной.

Хозяйство окончательно захирело – ни скота, ни работников.

Старший брат хозяином оказался не очень удачливым. Зато как совершеннолетним стал, сразу женился. А жена его начала Тимку и двух его сестер выживать постепенно – готовить место в доме для своих детей.

Через год старшую сестру замуж выдали. Без приданного, второй женой за сына старого старосты. По сути, в служанки отдали. Сначала ей тяжело пришлось. Теперь уже ее муж старостой стал, да и положение в доме у нее теперь как бы не лучше, чем у старшей жены. Та постарела, а сестра детей родила и все еще красива.

Тимка с малолетства, в голодные годы, начал охотиться, чтобы самому весной от голода не подохнуть и семье помочь. Сначала пробовал силками зайцев ловить, потом, лет с десяти, к опушке леса ходил, птицу из лука бил. Часто с дядей, братом отца, общался, тот его учил всяким охотничьим хитростям. Постепенно Тимку перестали загружать работой по дому и в поле, он больше охотился, и это у него неплохо получалось. Сейчас понятно – рисковал он сильно, удивительно, что в те годы на крупного хищника или взбешенного кабана не нарвался. Везение, осторожность и советы дяди помогли. Постепенно подросток в лесу освоился.

В пятнадцать лет, весной, не дожидаясь его совершеннолетия, старший брат сказал Тимосу выделяться из его дома. Жена ему макушку проклевала, у них уже своих детей четверо было. Да и сильной любви между братьями не сложилось – слишком большая разница в возрасте.

Через год и младшую сестру, Лексу, замуж выдали. За бездетного вдовца, небогатого, но вроде живут в любви. Тим им помогал мясом, когда детишки у них пошли, а потом Лекса его выхаживала, когда его медведь подрал. У них с Лексой разница всего в год, он в детстве постоянно с ней возился, когда был не на охоте. Так и привыкли быть вместе.

* * *

Брат выставил Тима из дома с небольшим мешком инструментов и утвари, оставшимися еще от отца. По всем понятиям, мог бы и богаче ему долю выделить. Пожадничал.

Предлагал еще помочь со строительством дома, но Тимос отказался – он здраво решил, что работать на поле ему не интересно, а значит и дом в деревне пока не нужен. Да и подати платить пришлось бы. А так – нет дома – нет податей.

Тим решил, что кормиться он будет от леса, охотой, а если кормиться там – то и жить надо там же.

Парень присмотрел себе место на склоне балки на границе леса и степи. Вырыл там свою первую землянку. Сейчас смешно вспомнить – не умел толком ничего, получилась просто небольшая пещера, там места было только для очага и ложа. Намучился потом осенью и зимой. Сначала оказалось, что во время осенних дождей вода подтекает, потом всю зиму мерз. Как вход ни утеплял, всё равно по полу холод шел. Получалось, ноги даже в унтах мерзнут, а вверху и без рубахи жарко, когда очаг горит. Чуть грудную болезнь не заработал. Спасся тем, что сшил себе рубаху и чулки из оленьей шкуры.

В ту зиму он впервые добыл пушного зверя – лису подстрелил, которая увлеклась нырянием в снег за мышами и не заметила его. Шкуру с нее Тим снял, почистил, как умел, засолил, отнес на продажу в село у баронского замка.

Там со скорняком познакомился. В тот первый раз он ему за шкуру лисы полщены только дал, сказал, что обработана плохо. Зато научил, как правильно это делать. Потом еще ловушки для куниц предложил купить, на куниц всегда хороший спрос у господ и богатых купцов. Тимка на ловушки денег пожалел, отказался. Скорняк пытался убедить, сказал, что они лучше самодельных. Охотник зацепился за его слова, стал выспрашивать, как самодельные делать. Скорняк рассказал.

Теперь я-охотник сам лучше всех знаю, как правильно ловушки на куниц делать. Нужно пару деревьев найти, чтобы рядом стояли. К ним кусок жерди горизонтально привязать, на уровне груди, так лисы приманку не достанут. Сверху еще одну жердь закрепить, чтобы она опускаться и подниматься могла. Свободный ее конец ставится на распорку, сверху кладется бревно для веса, под распорку – сторожок. Зверек к приманке подбегает, на сторожок наступают, распорка выскальзывает, верхняя жердь под весом бревна падает и зверька душит. Часто на птиц такая ловушка срабатывает, но и куницы попадают регулярно.

Так я научился добывать пушного зверя в большом количестве. Теперь по лесу десятка три ловушек готовые стоят, зимой можно будет их подремонтировать и заряжать. В деревне об этом я никому не рассказывал, ни к чему это. Меньше люди знают – лучше спят, зависть им не мешает.

А землянку я на второе лето себе другую, правильную выстроил. Теплую, сухую, удобную. Если одному жить – лучше всякой избы, только печи нормальной нет, очаг вместо нее.

И на амулеты, отпугивающие мышей, деньги есть теперь, и одежда удобная. И о голоде забыл. При желании мог бы запас шкурок продать и хозяйством обзавестись в деревне.

Всё теперь у меня есть, кроме семьи...

* * *

Отношения с подругой у Тима сложились неоднозначные. Сам-то охотник думал, что всё у них хорошо, все проблемы разрешимы и скоро она станет его женой. Но я с высоты своего земного опыта видел – не так всё просто.

Девушку эту, Милку, Тим присмотрел, когда выздоравливал у сестры после трепки, полученной от медведя.

В первые дни он из дома не выходил, с кровати старался не вставать, чтобы раны не разбедить. Потом, как раны чуть закрылись, сходил в лес, к своей землянке. Кончалась зима, припасы тоже кончались у сестры. А Тиму, чтобы выздороветь, надо было не просто нормально питаться, а мясо есть, на одних щах из соленой листовой капусты не протянешь. Вот и пришлось идти – забрать из землянки десятков кило вяленого мяса и принести в деревню.

Потом опять дома сидел. Раны зажили – стало скучно: работать нельзя, ключица еще не срослась, а сидеть без занятия уже надоело. На улице снег сошел, потеплело. Стал гулять по деревне и окрестностям. И девки выползли с началом тепла на улицы. То у колодца стайкой встанут, щебечут о чем-то своем, то под вечер на лавочках вдоль улицы сядут. Или парочками прогуливаются вдоль улицы, не торопясь, туда-сюда, на людей смотрят и себя показывают. Парни тоже рядом крутятся.

Милка той весной только-только заневестилаась.

Тим пробовал с ней заговорить у колодца, она смущалась, лицо прятала. Может просто малознакомого человека боялась, может – шрам ей не нравился на щеке, он тогда еще свежим был, припухшим. Девушкам красота нужна – чтобы кубики на прессе и лицо, как у педика. Это взрослая женщина понимает, что уродства разные бывают: какие-то на здоровье и силы влияют, какие-то по наследству ее детям передадутся, а какие-то – просто шрам, знак победы в схватке.

На контакт девушка не шла. А Тиму она нравилась. А другие – не нравились.

Тогда Тим задумал коварный план по ее покорению. Когда он в очередной раз сходил в землянку за мясом, прихватил с собой выделанную шкурку черной куницы. Вывернул ее шерстью наружу, чтобы красивее смотрелась, и положил себе в котомку.

Надо заметить, что местные куницы похожи на земных, но не совсем. Они крупнее, голова и изгиб длинной спинки у них, как у земных родственниц, а вот зад помассивнее, больше на кошачий похож. Хвост длинный, пушистый, шерстка – короткая, но густая и теплая, как у соболя. Похожа такая куница на зверушку, которую один мой партнер дома вместо кошки завел. То ли геветта, то ли циветта. Он еще рассказывал, что она гадит кофейными зернами. Прикалывался, наверное.

Так вот, о плане покорения девушки. Тим вечером нашел Милку на лавочке в окружении подруг и парней. Подошел, куницу ей на колени положил, говорит:

– Возьми, красавица, шапочку себе к зиме сшей.

Девка покраснела вся, как грудка снегиря. Сидит, то на шкурку посмотрит, то на охотника. И очень ей хочется шапочку из куницы, такие только у господ и купцов бывают, если сделает – она одна такая в деревне будет. И стыдится внимания мужчины, и перед подругами страшно. А Тим, паршивец, предлагает ей:

– Пройдемся, погуляем?

Помялась девушка и согласилась:

– Только если на виду, по улице.

В первый раз по улице погуляли, познакомились, Тим девке рассказал, как живет, про ее семью поспрашивал. Милка бояться его перестала, стали гулять по вечерам. Так пара недель прошла, у Тима уже ключица зажила, он руку перестал на перевязи носить. Стал ненадолго, на пару дней, в лес уходить. Дел у него там особых не было, пушной сезон закончился, так что Тим добывал какое-нибудь мясо, излишек вешал вялиться, а свежее утаскивал в деревню, сестре. И Милке гостинцы приносил.

Всё у них шло хорошо. Деревенские постепенно привыкли к тому, что Тим с Милкой гуляет. Милка перестала дичиться и позволяла завести себя в кусты – поцеловаться и потискать за мягкие части тела. Потом и на сеновал после заката стали ходить. Тим уже намекал, что просто потискать ему мало, хочется большего. Милка упиралась, говорила:

– Да как же потом, когда после первой брачной ночи простынь вынесут на обозрение?

– Так я готов жениться, а если женимся, я себе по пальцу ножом чиркну, и будет кровь на простыне, – уверенно отвечал Тим.

– Я еще не готовая за тебя замуж идти, – ломалась Милка. – В сомнениях я еще.

В конце каждого свидания, после жарких объятий, девушка помогала парню расслабиться своей шаловливой ладошкой, но и этого ему уже не хватало.

Тим проконсультировался у своей сестры, что можно сделать в такой непростой ситуации. Оказалось, ушлые деревенские девки, которые с одной стороны хотят парня к себе привязать, а с другой – бояться потерять девственность, дают парням через задний вход.

Милка еще обдумывала этот вариант, когда в отношения пары вмешался Изик мельников.

* * *

Мельников сын встретил Тима и Милку, когда они прогуливались по улице, дожидаясь сумерек, когда можно будет незаметно улизнуть на сеновал. Рядом с Изиком стояли трое его друзей. Мельников стал дразнить Тима, требовал, чтобы тот не ходил больше с Милкой, и вообще с деревенскими девками не ходил. Вызывал его на драку. А Тим согласился драться. Пока они спорили, сбегались зрители, молодые парни и девки с ближайших лавочек.

Изик мельников был высоким и крупным парнем. Намного крупнее Тима. И сильным – он с детства привык таскать мешки с зерном и мукой. Еще он был из богатой семьи, так что

считался первым парнем на деревне. И парни ему в друзья набивались, и девки вокруг него хороводы водили. Потому и наглел.

Изик был крупным парнем. Но олень крупнее волка, а толку? Олень бьется раз в году с другими оленями за возможность трахнуть олених. А волк охотится каждый день, и олень для него – просто мясо. Мясо, у которого есть рога и копыта.

Тим был охотником, волком. Изик – оленем.

И бой у них получился, как у волка с оленем. Крупный увалень замахивался от плеча, но Тим уходил от удара, подныривал под руку и бил. Бил в ребра, если получалось – в лицо. Выбил Изику передние зубы. Сломал, после нескольких ударов, ребра с одной стороны.

После очередного удара в сломанные ребра Мельников упал на колени, скрючился и завыл от боли и бессилия. Его дружки готовились напасть на Тима, один даже полез выдирать жердь из забора, но охотник вытащил нож. Взмахнул им по кругу:

– Замерли все! Убью, – прихвостни Изика испугались.

По деревенским понятиям, драка один на один на кулаках – это одно, а всем скопом и с кольями – совсем другое. Тут охотник был бы в своем праве убивать. А что он сможет – никто не сомневался.

– Взяли эту падаль и свалили отсюда! – испуганные парни ушли, помогая согнувшемуся Изику.

И вот когда драчуны ушли, Тим бросил взгляд на Милку и понял, что она его победе не сильно-то и рада.

Разозлился. Схватил ее за руку, не особо скрываясь, утащил на сеновал.

* * *

На сеновале сказал Милке, что хватит ломаться, больше он ждать не собирается. Девка покапризничала. Тим пообещал, что принесет ей шкурку черно-бурой лисы, чтобы к шапочке она себе еще и новую шубу к зиме сшила. Милка ломаться перестала.

Вышли их отношения на новый уровень.

Теперь Милка уже не стремилась гулять с Тимом у всех на виду, после заката сразу на сеновал прибегала, когда он бывал в деревне. Там они занимались тем, чем обычно занимаются молодые парни с девушками. Только целку берегли, Милка всё еще не решила, идти ли ей замуж за Тима.

Лисиц ей на шубу парень принес, у него с прошлой зимы были запасены шкурки.

Правда, зимой, когда оказалось, что сам он ходит в куртке и чулках из куниц, девушка обиделась, что ей только лисы достались. Пришлось объяснять, что Милке эта шуба нужна только до колодца дойти и там покрасоваться, а он целыми днями по лесу бегаёт. У него требования к одежке другие. Вроде перестала губы кривить, но осадочек остался. Пришлось ей куницу принести еще и на муфточку для рук.

Интересно, что хоть парень испытывал настоящую страсть к Милке, и дарил подарки от души, но голову он до конца не терял. Понимал, что, несмотря на все поваляшки на сеновале, девушка еще не стала ни его женой, ни даже сговоренной невестой. Хотя он предлагал. Эта неопределенность вызывала подозрения даже у наивного и влюбленного Тима.

* * *

Воспоминания о подруге разбудили желание и напомнили, что тело очень-очень соскучилось по сексу. В тот момент, когда душа меня-земного вселилась в тело Тима, он как раз бежал в деревню, планировал свидание с Милкой.

Мысли перекинулись на важный вопрос: а что Тим знает о том, что с ним случилось? Я-земной погиб от пули снайпера, это понятно. А я-Тим?

Этот вопрос оказался слишком сложным для перевода. С переводом вообще всё было сложно: любое слово, скажем, «смерть» на русском и «смерть» на низотейском – это два разных понятия, которые никак не связаны и лежат в разных массивах моей памяти. А объяснить

зрительными образами про смерть и замену души – это каким нужно быть профи в игре в «крокодил»!

Пришлось повозиться, но, после некоторых попыток, память меня-Тима выдала всё, что знала. Знала она немного. Тим шел по лесу, предвкушал доступ к горячему мягкому телу. Потом мгновенно умер. Всё.

О случаях вселения других душ в человеческое тело парень ничего не слышал.

На попытки выяснить, от чего умер, память подкинула идею, что это должно быть связано с некромантией, потому что именно некроманты имеют дело с душами людей. И именно некроманты могут убивать людей и животных одним намерением, не оставляя следов. Другим магам для этого нужно какое-то физическое воздействие – огненный шар, скажем.

* * *

Разобравшись с памятью, я сварил себе на обед вчерашнюю птицу (для сестры новую по дороге подстрелю, а то еще испортится на жаре).

Пообедал.

И побежал в деревню. За три десятка километров. Избавляться от спермотоксикоза.

Пока бежал, пришла мысль: это же у меня в моей земной молодости в периоды увлеченности тоже кровь отливала от мозга. Как я при этом учился и институт закончил, – загадка. Но как-то закончил. Выходит, я молодец был.

3. Отелло воскрес

– *Молилась ли ты на ночь, Пенелопа?*

– *Не до того мне было. Гости у меня.*

– *Так пусть же все умрут!*

Дай лук мне, Телемах.

* * *

Мое появление в деревне оказалось фееричным.

Когда я проходил мимо колодца, там роилась маленькая толпа девиц и дам. Это у них такая соцсеть – как бы за водой вышли, но можно остановиться и поболтать. Вот они и болтают, но в этот раз необычно много их тут собралось. Когда женщины заметили меня, я с изумлением увидел, как они разбегаются по домам. Некоторые так спешат, что даже бросили ведра.

«Это «ж-ж-ж» – неспроста!» – решил я.

Я направился сразу ко двору Милки. Показать, что пришел, предупредить, чтобы в сумерки шла на сеновал. Ее дом было видно от колодца, и я наблюдал, как одна из женщин по дороге от колодца метнулась к лавочке, где сидела молодежь. Там парень вскочил, посмотрел в мою сторону, и бросился бежать в огороды. По росту и комплекции легко было узнать Изика мельника. Остальные при моем приближении повставали со скамейки и отошли чуть в сторону, сгрудившись в кучку.

К моему подходу на лавочке осталась только Милка. Девушка была необычно бледна и сидела, не поднимая глаз.

– Здравствуй, красавица.

– Здравствуй, – испуганно посмотрела снизу-вверх.

На ее висках были выплетены небольшие косицы, как у сговоренной невесты. Я ей ленты покупал, она эти ленты взяла, а выплетать косы отказалась. А тут – не успел умереть, уже сговорилась. В глубине души тяжело заворачалось бешенство Тима. Я из последних сил его сдерживал.

Сел рядом.

– Ну и что всё это означает?

Говорить было сложно, потому что говорить-то приходилось на низотейском, не получалось одновременно нормально думать, потому что «нормально» – это по-русски.

– Ничего! – вскрикнула девушка.

– Мне у сестры спросить?

Милка всхлипнула:

– Вчера Изик вернулся из замка, он там с баронским некромантом говорил. Сказал всем, что ты умер и больше не придешь.

– С некромантом, значит. И ты ему сразу поверила и косички сплела.

Молчит, всхлипывает, головой кивает.

Я задумался. Тим о некромантии знал мало, вообще практически не знал. Но из общих соображений понятно, что некромант может убить или того, кого видит, или того, кого может четко идентифицировать. Достаточно ему почтового адреса «На деревню, Тимосу»? Вряд ли. Мне кажется, магические силы как-то по-другому должны работать.

А еще Милка была слишком испугана. Больше испугана, чем если бы просто боялась, что я ей за неверность претензии предъявлю.

– Подруга, а ведь ты ему помогла.

– Да! – впала она в истерику. – Помогала! Я ему твои волосы дала, чтобы он некроманту передал. А что мне было делать!? – закрыла лицо, зарыдала.

Я был озадачен. Как-то это всё было неожиданно и не соответствовало воспоминаниям из памяти Тима. Нужны были подробности.

– Так, дрянь ты этакая, быстро сопли подтерла и отвечай по существу, чем я тебе так помешал!

– Мне этой осенью замуж надо, иначе перестарком стану. А ты всех женихов отогнал, – рассказ перемежался всхлипываниями. – А Изик давно вокруг меня ходит, но тебя боится. Вот Изик и предложил тебя извести. Я ему пучок волос с твоей головы срезала, пока ты задремал на сеновале. А он к некроманту сходил, денежку ему заплатил большую, уговорил твою душу отпустить. Некромант согласился. Ты должен был вчера умереть. Некромант сказал Изику, что всё сделано. Когда ты не пришел, как обещал, я решила – всё, конец. Сразу с Изиком сговорились осенью свадьбу справлять. Завтра его родители свататься должны были прийти, – после этой Милка прикусила ртом кулачок и тихонько завывала.

В целом, положение прояснилось. Теперь стало понятно, что случилось с молодым охотником, и кто в этом виноват.

Почему моя душа в его пустое тело влетела – это уже второй вопрос, ответ на который большой практической ценности не имеет. Влетела – и хорошо.

Осталось прояснить пару моментов.

– А чего ты за меня не хотела замуж? Предлагал же, а ты упиралась.

– Как я за тебя замуж пойду? В лесу жить, в чаще, никого не видеть? – в ее интонациях прямо слышалось знакомое по земной жизни: «Там же нет ночных клубов и бутиков!». – А дети как там будут?

– Так я же вроде говорил, что собираюсь избу в деревне поставить?

– Что, правда? Да хоть бы и избу! Сам ты будешь по лесам шастать, рано или поздно тебя медведь или тигр задерет, а я как с детьми останусь?

Мой земной опыт подсказывал, что это скорее оправдания, а настоящая причина проще: с одной стороны – нелюдимый мужик со шрамом на морде и ножом на поясе, с другой – первый парень на селе. Выбор очевиден.

Ирония в том, что если бы не ухаживания Тима, мельников сын на Милку мог бы внимания и не обратить – ничем особенным она от других девок не отличалась, разве что глазами блудливыми. Но раз пришлый охотник на нее внимание обратил, у местного альфа-самца сразу инстинкт сработал – поставить чужака на место, а его самку отобрать себе.

Я задавил страсти, бушующие в глубине подсознания, подумал и выдал своё решение:

– В общем, слушай, красotka. Хочешь замуж за Изика – иди, мешать не буду. Убивать за то, что вы сговорились и пытались меня убить, тоже не стану.

Девушка успокоилась, перестала рыдать, слезы рукавом вытерла.

– Сейчас иди к своему жениху – заведи у него мои волосы, отдашь мне. Если хоть один волосок у вас останется – узнаю, убью обоих.

Кивает головой, согласна.

Я на нее посмотрел, на грудь ее, колышущуюся под домотканой рубахой из тонкого льна, на бедра, очерченные тканью зеленой юбки. А под рубахой-то у нее ничего нет, женского белья тут еще не придумали. Чувствую – хочу ее, сил нет терпеть. Даже непонятно, чего больше хочу – то ли шею ей свернуть, то ли оттрахать в грубой форме. Хотя нет, зачем себе врать, – оттрахать хочется больше. Надо что-то с этим делать.

– Вечером после заката придишь на сеновал, отдашь мои волосы. Потом будешь со мной встречаться, как раньше встречалась, – на этих словах губы скривила, опять плакать собралась. – Это ненадолго, я скоро из деревни уйду, насовсем. Пока не уйду – будешь шубку и муфточку отрабатывать. Если позора боишься – можем по деревне вместе не ходить, прямо на сене вечером встречаться.

– А как же Изик?

– Ничего, год терпел и еще немного потерпит. Ты ему за это шубку в приданое принесешь. Скажешь ему – или так, или я вспомню, что он меня убить пытался.

Головой кивает.

– Ему за попытку убийства заплатить придется, как именно – я позже придумаю. И его отец пусть думает, что он мне может за жизнь своего сына предложить.

Всхлипнула. Бойтся. А как ты думала? Убивать – нехорошо. А безнаказанно убивать – очень нехорошо, развращает это.

Поговорили, вроде всё решили. Я встал и к сестре пошел. Сообщить, что жив, подстреленную птицу ей передать, в бане попариться, отдохнуть и подумать, что дальше делать. А Милка к своему жениху побежала.

* * *

Лексе сплетницы уже успели рассказать и о том, что я умер, и о том, что пришел живым. От таких колебаний она совсем самообладание потеряла. Как увидела меня, на шею кинулась, разрыдалась. Еще и племянник старший вышел в дверь, с босыми ножками, в детской длинной рубашонке, увидел, что мамка плачет, – заревел белугой.

Я обнял сестру, по спине погладил, потом сунул ей в руки тушку птицы, привычные хлопоты сестру успокоили. Пока она перья ощипывала, коротко рассказал свою версию событий: некромант или обманул, или ошибся, я не умирал, Милка – сука, и я с ней расстанусь, а еще я думаю уходить из деревни, потому что скучно мне тут.

– Куда ж ты пойдешь?

– Не знаю еще. Думать надо.

Лекса задумалась сама, и мужа своего загрузила – может, что посоветует. Он мужчина, иногда к замку ездит, там с людьми общается, всякие новости слышит.

Пока они переваривали новую информацию, я баню затопил.

Пока баня грелась, сел там и задумался – может мне и уходить никуда не надо? Рядом с землянкой в лесу баню поставить, колодец вырыть, вместо очага печь сложить – и жить там? Потом можно полноценную избу поставить... Буду добывать зимой пушнину. А летом можно отдыхать, по стране помотаться, посмотреть, что интересного есть вокруг.

Жить одному в лесу или среди толпы малограмотных селян в деревне – разница небольшая. Одному даже проще. Жену себе по вкусу я найду, я человек небедный. Можно и рабыню молодую красивую купить, при желании.

Опыт земного человека, прожившего жизнь, подсказывал, что такой вариант будущего, спокойный, комфортный, – очень даже неплох.

А шило в заднице утверждало, что в моем молодом теле мне такая жизнь наскучит очень скоро, и меня потянет на приключения. Это не хорошо и не плохо, просто надо с этим смириться.

* * *

Пока я парился, Лекса успела фазана поджарить. Сели за стол, перекусили.

Зять новости рассказал. Раньше Тим международной обстановкой не интересовался, а вот теперь понадобилось.

Оказывается, в Прибрежной марке перемирие заключили. Решили в этом году летом не воевать, а осенью крестьяне должны урожай собирать, потом от дождей дороги развезет, а там и зима, а потом весенние работы, так что до следующего лета воевать не будут.

Торговцы в селе при замке жаловались, что наемники без работы остались, расползлись по всей Прибрежной марке, часть даже в горные баронства вернулась, и теперь шалят. Кто-то по трактирам празднует – девкам опасно рядом пройти, да и парней бьют. А кто-то, как ушли командами из войска, так командами и двигаются – могут на дороге разбойничать, а могут и на деревеньку напасть. Если нападут – всех ограбят, кто побогаче – пытать будут, чтобы деньги

найти, женщин изнасилуют. Наемники, что тут говорить. А наша деревня как раз недалеко от Большого леса и через нее дорога из баронств в марку проходит. Опасно.

Обсудили, куда мне направиться, если из деревни уходить.

В равнинных баронствах везде жизнь такая же, как в нашей деревне – бедная, от урожая до урожая. Смысла менять шило на мыло нет, совсем нет.

В горные баронства идти – тоже смысла нет. Там люди своим узким кругом живут, чужака не примут. Жизнь там богатая, но для меня это скорее минус – со своими накоплениями я там ни жилья хорошего не смогу купить, ни земли, ни скота, ни в порядочное общество войти. Буду приبلудным бедным чужаком до конца жизни, никому не нужным и без достойного заработка.

Получается, что нужно или оставаться и комфортную жизнь в лесу налаживать, или идти в Прибрежную марку.

В марке есть богатые города. Простой народ, хоть и кичится своей «культурностью», живет бедно. Беднее даже равнинных крестьян. Но есть и очень богатые люди, которые в особняках в роскоши живут, едят с серебра, ходят в шелках. Раз есть богатые – можно найти способ часть денег от них получить. Хоть бы и за меха – наверняка цены на шкурки куницы в Прибрежной марке намного выше, чем в нашем захолустье. Но и риски там выше – постоянно война, вокруг много разбойников, наемников, которые от разбойников отличаются только профессиональной жестокостью, да и баронов с дружинами лучше на дороге не встречать.

Так что – надо думать, стоят ли приключения риска.

На одной чаше весов – вполне спокойная, сытая и комфортная жизнь в лесу. Правда, тоже не без риска – медведь или тигр могут сожрать, или какие-нибудь разбойники на мое жилище набредут, или зимой под лед провалюсь и вовремя отогреться не сумею. Но риски в этом случае понятны и предсказуемы.

На другой чаше – возможность на мир посмотреть, на магов. Может, удастся стать чем-то большим, чем зажиточный охотник на глухом хуторе. Но риски намного выше и непонятны не только для меня-земного, но и для Тима, который в крупных городах никогда не бывал, с наемниками и баронами дел не имел, обычаев прибрежных не знает.

* * *

Пока ужинали и говорили, вечер опустился.

Как только стемнело, я вприпрыжку побежал на свидание. Ко двору Милки вышел огородами, знакомой тропинкой прошел на сеновал. Когда заходил, шел осторожно, нож в руку взял. Мало ли, что ей с Изиком в голову взбредет с перепуга.

Девушка уже меня ждала. Больше никого там не оказалось. Нож не понадобился.

Милка сразу отдала мне пучок волос, завернутый в тряпицу. Я его потом сжег.

После первых слов перешли к сладкому. Как только я руки Милке под рубаху запустил, сразу накрыло так, что соображать совсем перестал. После первого раза немного в себя пришел, но ее не отпустил. Слишком соскучился по ее телу. Валял ее полночи. И не просто валял, а с применением навыков, привычных из моего земного опыта. Они тут изысками не сильно разбалованы, поэтому даже обычные ласки Милка восприняла, как что-то чудесное. Мне это даже забавно было – под Тимом она так не стонала.

Ушел я от нее уже в полночь. Сказал – завтра приду, продолжим. Она промурлыкала: «Приходи, ждать буду», довольно улыбнулась и заснула, свернувшись под одеялом, как кошка.

Может, если бы Тимос внимательнее относился к девушке и более качественно ее трахал, она бы и не стала с Изиком заговоры устраивать. Но, как говорится, «Если бы у бабушки были яйца, она была бы дедушкой». Что случилось, то случилось.

* * *

На следующее утро я проснулся с жадной деятельностью. После избавления от спермотоксикоза я успокоился, вернул себе способность здраво мыслить.

На трезвую голову еще раз обдумал, оставаться ли мне жить в лесу или уходить в Прибрежную марку, навстречу приключениям.

С точки зрения моего земного опыта никакие приключения не стоили непредсказуемых рисков. Потому что вероятность погибнуть, сунувшись в опасную местность без понимания установленных там порядков – процентов пятьдесят. Как в анекдоте – или погибну, или нет.

Но моему подсознанию было плевать на разумные доводы, оно уже сделало свой выбор. Шило в заднице моего молодого организма требовало путешествий, сражений и гарема из юных девственниц. А еще – аристократического титула и богатства.

Так что моему разуму осталось только смириться с этим выбором и организовать путешествие так, чтобы оно прошло максимально безопасно и с комфортом.

Для начала мне нужно было избавиться от лишних ликвидных активов. Землянку и всякую хозяйственную утварь в ней я оставлял на случай, если придется вернуться. Самые ценные и легкие меха, шкурки куниц, я собирался взять с собой – в Прибрежной марке цены на них должны оказаться намного выше. А вот все остальные шкуры надо было продавать. Пару медвежьих (они объёмные, тяжелые, с собой не потащишь), десяток волчьих, пучок беличьих, кучка заячьих, целая кипа оленьих и кабаньих. Даже пара бизоньих была. Чтобы перетащить всё это из леса в село у замка требовался транспорт. Телега в лесу не пройдет, значит, нужен выючный конь. Или два, выючный и верховой.

Деньги на покупку коня мне тратить было жаль. Зато я знал, кто мне может его дать – мельник. В оплату виры за преступление своего сына, за попытку меня убить. Вот к мельнику я и собрался.

* * *

Перед выходом из дома сестры я достал из котомки малый нож, сунул его лезвием под кожаный наруч на левой руке. Рукоять спряталась в ладони. Теперь одно движение пальцев – и нож будет в руке, взятый обратным хватом. А под правой рукой висит охотничий нож в ножнах. Охотничий большой, но его видно, а нож в левой руке – будет сюрпризом, если что.

Казалось бы – паранойя, да? Но если неприятности уже случились, делать что-то поздно. К неприятностям надо готовиться заранее. Я за свою земную жизнь всякое видел, еще больше всякого слышал от знакомых. И хотя уже давно не ходил с охраной, но до своей смерти держал травмат в спальне, дробовик в сейфе в зале первого этажа и кинжал, спрятанный около входной двери в дом. На всякий случай. Так и сейчас. Скорее всего, не понадобится – деревенские мужики, в целом, люди мирные. Но если понадобится – у меня есть.

Пришел к мельнице. Там мельник и пара работников. Хозяин встретил меня без радости, но и в драку не лез. Поздоровались, отошли поговорить.

– Чего пришел?

– Так дело у нас есть. Твой сын меня убить пытался.

– Не убил же.

– Так попытка – тоже преступление. Нет?

– Не докажешь.

– Мне и доказывать ничего не надо. Он Милке сказал, а та половине деревни растрепала, когда все ее спрашивали, почему она так неожиданно с Изиком гулять начала и косицы заплела.

– И что? В баронский суд подашь?

– Не. Буду действовать по принципу «глаз за глаз». Попытаюсь твоего сына убить. Как думаешь, получится?

Мельник пожевал губы. Посмотрел на меня.

– Милка говорила, ты согласен виру взять за преступление. По старому закону.

– Могу, я не злобный. А что ты за жизнь сына готов дать?

– А что хочешь?

– Двух коней хочу. Уезжать я собрался.

– Двух не дам, – вздохнул. – Мне в хозяйстве надо оставить хоть одного. Тебе дам одного мерина. Немолодого. Тебе без разницы – всё равно у тебя он надолго не задержится, или отберут, или убьют.

– Маловато.

– На сдачу можешь моему балбесу морду набить.

Пошли к мельнику домой, посмотрели там коняшку.

В этом мире кони бывают двух сортов – рабочие и скаковые. Обе породы выведены ведьмами, с применением магии жизни. Рабочие – чуть выше земных пони, широкогрудые, с длинным мускулистым телом и толстенькими ногами. И еще у них короткая кудрявая шерсть по всему телу. Скаковые – похожи на ахалтекинцев, длинноногие, элегантные, с интеллигентной мордой.

Я на Земле иногда ездил кататься на лошадях, дочь как-то вытащила попробовать – и понравилось. Понравилось не столько ездить, сколько сами лошади. С тех пор время от времени практиковался. Так что какое-то минимальное представление о животных я имел. Тим в лошадях не разбирался вовсе, только знал, как их запрягать в телегу или плуг.

Походил я вокруг животного, которое мне предлагали. Посмотрел. Понять, насколько хорошего коня мне подсовывает мельник, я не мог. Обычный рабочий мерин. Спокойный. Вроде животное не собиралось умирать от старости прямо сейчас, не голодало, болезней явных не имело. А большего мне и не надо. В комплект к коньку вытребовал себе еще седло и уздечку.

Пожали с мельником друг другу руки, я увел свой транспорт во двор к сестре.

Коняшку я решил назвать «Овец». Во-первых, потому что он весь в кудряшках, как овца, которую недавно обстригли и у нее шерсть только начала отрастать. Во-вторых – он такой флегматичный, овца овцой по характеру.

* * *

Вечером опять ходил на сеновал. Опять полночи валял Милку. Хорошо повалял, душевно.

Когда прощались, она обниматься полезла и всплакнула.

А у меня желание свернуть ей шею притихло, и появились мысли на тему «понять и простить».

Не, не надо мне всего этого. Валить надо отсюда, пока не женили...

4. Подготовка к путешествию

На сцене актеры вели диалог

о любви и делах.

Но ружье на стене.

Это значит –

умрут.

** * **

После бурной ночи я проснулся поздно. Лекса уже успела подоить корову, разжечь печь и приготовить завтрак – кашу на молоке с маслом. На десерт – ранние персики, выведенные с применением магии жизни. У Лексы в саду такое дерево растет, саженец дорого покупали, но оно того стоит. Хотя ранние фрукты, они хоть селекционерами выведены, хоть ведьмами – всё равно не такие вкусные, как осенние. Не успевают сладость набрать. Вот скоро подрастет саженец яблони и осенью у нее яблоки будут, тоже ведьминской породы, – это да, это будет вкусно...

После завтрака я собрался, оседлал Овеца и поехал к своей землянке – лишнее барахло паковать и вывозить на продажу.

Я планировал пообедать уже дома. Решил, что если я своими ногами могу пробежать это расстояние за два-три часа, то на коне получится быстрее. Поехал напрямик, по тем тропкам, которыми на свидания к Милке бегал.

Оптимист городской.

Рысью удалось проскакать только небольшой кусочек пути – до леса. А дальше я столкнулся с жестокой реальностью. Скакать по лесу на коне – невозможно. По тем тропкам даже олени шагом ходят. Где-то приходится пускать коня шагом, чтобы он не споткнулся о корни, гнилые бревна и ямы. Где-то и вовсе конь пройти не может, приходится обход искать. В остальных местах надо ехать осторожно, чтобы веткой в лоб не прилетело, – даже там, где свободно пройдет человек или лось, верховому надо пригнуться. В конце концов, я спешился и повел коня в поводу. Иногда удавалось перейти на бег, тогда Овец грузно подкидывал зад в медленном подобии галопа.

К землянке добрались к вечеру, уже в сумерках.

Коня стреножил недалеко, около контура действия амулета, отпугивающего зверей. Ночью постоянно просыпался – боялся, что Овеца какой-нибудь хищник задерет. Обошлось. Для себя пометку в памяти сделал: надо купить амулет для коня, чтобы хищников отпугивал, а сам конь его не замечал.

** * **

Рано утром я распустил одну оленью шкуру на ремни, упаковал самую перспективную часть своего товара для перевозки. Всё за один раз увезти не мог – у коняшки во вьючном варианте грузоподъемность не такая уж большая, а шкуры тяжелые.

Нагрузил тюки на Овеца, повел его в поводу.

В этот раз решил идти не напрямик, а выйти по кратчайшему пути к дороге, а дальше по ней – ехать верхом не получится, коню будет тяжело еще и мой вес тащить, но хоть бегом пробежать можно будет. Так я надеялся добраться быстрее – мне хотелось вовремя оказаться в деревне, чтобы успеть вызвать Милку на ночное свидание. А завтра съезжу в село у замка, как раз успею обернуться туда и обратно и опять переночевать в деревне.

С такими мыслями я топал по лесу. До дороги оставалось уже, по моим ощущениям, недалеко (Тим отлично умел чувствовать расстояния и ориентироваться в Большом лесу).

И тут я остановился. Что-то было не так.

Сначала я не сообразил, что вызвало тревогу. Потом понял – легкий запах дыма.

Дым – это почти всегда присутствие человека. Бывают, конечно, лесные пожары, когда дерево загорается от молнии и потом кусок леса выгорает, но это такая редкость, что можно не учитывать. Чаще бывают пожары на торфяниках, когда жарким летом происходит самовозгорание, но сейчас такой жары не было, да и болота далеко. Так что дым – это человек.

Человек, посреди дремучего леса – это опасность. Конечно, может там какой-то обоз остановился на ночевку и сейчас мирно кашу варит. Но даже в этом случае еще неизвестно, как обозники поступят, увидев незнакомого одинокого человека с конем и тюками шкур. Может, к костру пригласят, а может – коня отберут вместе с имуществом, а самого прикопают в лесу. Да и не сезон для обозов. Обозы тут ходят осенью, когда купцы урожай вывозят, чтобы продать его дорожке в портовых городах. А в другое время тут никто и не ездит, разве что посыльные с письмами раз в месяц, или, во время войны, – отряды наемников и дружины баронов.

Где-то недалеко жгли костер, в утреннем влажном воздухе дым не поднимался столбом вверх, а стелился над землей, расплываясь далеко в стороны прозрачной дымкой.

Надо посмотреть, кто тут в моем лесу костры жжет.

Вернулся немного назад, оставил там привязанного Овеца, чтобы не выдал меня фырканием или стуком копыт. На всякий случай натянул тетиву на лук. И пошел в разведку.

Сначала шел на запах.

Потом услышал разговоры.

Стал передвигаться, как будто при охоте на оленя – тихо, медленно, с остановками, внимательно просматривая пространство перед собой и вокруг.

Скоро в нос ударила вонь сельского туалета в жаркий летний день.

Еще немного – и я осторожно выглядываю сквозь ветки куста.

Передо мной небольшой лагерь. Вижу среди деревьев несколько полотняных палаток, костры, на кострах – котлы. У котлов суетятся три женщины. Вокруг сидят, лежат и бродят вооруженные мужчины.

Женщины в возрасте от двадцати до тридцати, лица сильно помятые, волосы грязные, непокрытые, длиной до плеч. Короткие волосы, не заплетенные в косы и без платка на голове – это странно и непривычно. У одной зубов передних нет. Отсутствие зубов – это тоже странно: даже крестьяне из нашей деревни при зубной боли ходили в село и там обращались к ведьме, чтобы залечила. Не так уж это дорого. Выбитые выращивать дорожке, но когда я с сыном мельника подрался и зубы ему выставил, тот их вырастил через несколько дней. Одеты женщины неаккуратно – платья вроде не из дешевых, такие богатые горожанки носят, но платья эти потрепанные, мятые, грязные.

В общем, женщины – точно не крестьянки, не горожанки и уж совсем-совсем не благородные.

Мужчины такие же мутные – одежда из добротных тканей, но мятая, грязная, разносортная. Скажем, чулки на нем зеленые, шорты синие, из недорогой ткани, а кафтан – красный с золотой вышивкой. И в этом кафтане он валяется на траве, перешучиваясь с девицами. Все мужчины потрепанные, нечесанные, с выбритыми висками и затылками, без бород или с коротко обрезанными бородками. Возраст от двадцати до сорока, но больше молодых. У всех на поясе короткие мечи, чуть длиннее моего охотничьего ножа, с небольшой гардой, или кинжалы. Около одной палатки в пирамиду составлены копыя и секиры на длинных древках.

Посидел я немного в кустах, послушал, посмотрел. Думал: сейчас как выйдет из палатки главный злодей, как начнет раздавать всем указания и рассказывать, какое злодейство он задумал. Я подслушаю, и буду знать. Не вышел. Звучал обычный треп тупого быдла, которое ждет жрачку и хочет девок, пусть даже и то, и другое – не первой свежести. На земных гопников похожи, только гопников с оружием и попробовавших кровь.

Когда в мою сторону направился один из этих мужчин и, спустив шорты, присел под кустом буквально в паре метров от меня, я понял, что надо тихо уходить. А то следующий меня обоссyt, даже не заметив.

* * *

Я вернулся к коню, обошел лагерь стороной, вышел на дорогу. И побежал. Сначала тащил коня за повод за собой, потом, когда Овец привык к темпу, побежал длинными прыжками сбоку от него, держась рукой за седло.

Конечно, была вероятность, что на дороге можно встретить еще каких-то разбойников, но вряд ли она велика: тут и одной банде делать нечего сейчас. Не будут же они неделями сидеть такой толпой в лесу ради того, чтобы поймать и ограбить одинокого охотника? Это экономически нецелесообразно. Хотя если есть одна банда, то может обнаружиться и другая. Странно всё это было.

* * *

В деревне я в первую очередь подъехал к дому старосты.

Со старшей сестрой поздоровался, хоть мы и не общаемся почти, но все же родственница.

Мужа ее предупредил, что видел в лесу вооруженных людей с непонятными намерениями. Если они сидят в лесу – это еще ничего. А если они двигаются из Прибрежной марки в нашу сторону – то наша деревня первой окажется на их пути. А что могут сделать деревенские мужики, хоть их и много, против опытных вооруженных наемников? Что это наемники, которые раньше воевали в марке, а теперь освободились из-за перемирия, мы со старостой сообразили.

Староста задал уточняющие вопросы, помял пальцами себе бороду в задумчивости и спросил – не еду ли я в село? А если еду – не зайду ли в замок, чтобы сказать капитану о встреченном отряде?

Отказаться я не смог, хотя идти в замок не хотелось. Я побаивался попасть на глаза некроманту, вдруг тот поймет, что я – чужая душа в теле, которое он убил. Я о способностях некромантов не знал почти ничего, кроме того, что ими пугают детей. Ведьмами тоже пугают, но это не так страшно, ведьмы – создания странные, но привычные. К ним ходят зуб вылечить, или болезнь, хотя это и дорого, или сады и поля защитить от вредителей. А некромантов мало и обычные люди их услугами редко пользуются, потому и не знают, чего от них ждать.

После разговора со старостой я вернулся к своим планам: проехал мимо двора Милки, помахал ей рукой, чтобы знала, что я в деревне и приду к ней на сеновал; потом – к Лексе, отдохнуть и помыться; потом – опять к Милке, на свидание.

* * *

Утром без спешки добрался до замка.

Главная дорога шла через село, перед его околицей была развилка, ведущая к замку. Между селом и замком оставлено пустое пространство – барон запрещал что-то строить вблизи крепостной стены.

Стена замка была метров десяти высотой, сложена из кирпича, укреплена мощными пилонами, массивными внизу и сужающимися кверху. Внутри стен, похоже, почти всё пространство было застроено, крыши и верхние этажи строений возвышались над стеной. Выделялись массивный прямоугольный дворец с узкими окнами и круглая башня-донжон.

Село отличалось от моей родной деревни только размером, да еще наличием в центре нескольких мастерских и лавок, а еще – небольшого рынка. Сейчас никакой ярмарки не было, поэтому на рынке было почти пусто: несколько баб торговали ранними фруктами из своих садов, творогом и маслом, или скучали, пытаясь продать зелень, молодую репу и серо-желтую морковь.

Тим бывал в селе, хоть и не часто: к скорняку приходил с мехами, у кузнеца наконечники для стрел покупал, один раз к ведьме заходил – за амулетом, отпугивающим животных. Так что

в общих чертах я знал, что здесь есть. Мастерские кожевника, скорняка, портного, сапожника. Ведьма. Парикмахер. И кузнец с гончаром, конечно, как без этого.

На улице я поглядывал на людей. Они тут одевались немного не так, как в деревне. У нас крестьяне обычно летом ходили босыми или сплетали себе лапти, только не из лыка, а из соломы. Зимой под лапти портянки наматывали. Из одежды мужчины носили свободные штаны до середины голени и рубахи из серого домотканого полотна, женщины – длинную рубашку и темную юбку до пят, в прохладную погоду – еще и жилетку.

В селе большинство одеты были так же просто, но встречались и люди богаче. Обуты такие были в короткие сапоги из мягкой кожи. Одежда у них была из хорошего сукна, с виду – примерно как джинса, только разных цветов. Дамы ходили в расшитых жилетках, которые как корсет поддерживали и прикрывали их верхние прелести. Жилетки застегивались спереди на многочисленные шарики-пуговицы. Ткани были окрашены в яркие цвета и украшены вышивкой, нижние рубашки, края которых торчали у модниц над линией декольте, были из отбеленной ткани, а не серыми, как домотканые. Богатые мужчины тоже носили жилетки. Встретился один модник, наряженный в полотняные чулки, шорты и сшитый по фигуре кафтан до пояса. Потом оказалось, что так одеваются богатые мастера, наемники и господа.

* * *

Первым пунктом моего посещения стала мастерская кожевника. Ему я продал кабаньи и оленьи шкуры. Продал неплохо. Небольшой олень по рублю пошел, кабан – по двадцать копеек. Понятно, что мастер на мне заработает свои триста процентов прибыли, но и мне приличная, по местным понятиям, сумма перепала.

Оленья кожа мягкая и прочная, она идет на изготовление дорогих перчаток для богатых господ, кабанья – на дубленые жилеты для военных, упряжь и всякие ремни. Когда кожевник узнал, что у меня есть еще кипа таких же шкур – радовался. Потому что оленей всех в баронствах выбили, в лес за ними мало кто ходит. Потому – есть дефицит этой кожи, которая ценится втрое дороже телячьей. А на кабанью кожу спрос почти безграничный – во время войны дубленой кожи нужно много. Бизонья тоже на ремни и жилеты идет, еще больше для этих целей ценится, так что и ее продам, сколько есть.

Я порадовался патологической бережливости Тима, который все эти шкуры не ленился снимать, обрабатывать и копить, хотя пешком тащить их из леса на продажу не мог. К обычной крестьянской бережливости парня добавилась память о голодном детстве и тяжелом первом году в лесу, когда не хватало самого необходимого. Говорят, опыт бедности и голода накладывает отпечаток на характер человека на всю жизнь, вот и у Тима так получилось.

Попрощался я с кожевником почти дружески, пообещал привезти остальные шкуры на днях.

После кожевника пошел к скорняку. К тому самому, который когда-то меня научил шкуры правильно обрабатывать и ловушки на куницу ставить. Поболтали, он меня квасом угостил. Жалел, что я ему мало пушнины привез. Волчьи, беличьи и лисьи шкуры выкупил, на медвежьи посмотрел скептически, из вежливости предложил цену, как за волчью. Я выразил свое недоумение: и добывать медведя опаснее, чем набить из засидки над падалью десятков волков, и зверь реже встречается, и шкура по площади как двадцать волчьих. А возни с их обработкой сколько было?

– Понимаешь, мне медведя использовать некуда, – извинился скорняк. – Шубы из медведя в наших местах никому не нужны – они хоть и теплее любого другого меха, но тяжелые очень. Только если полости сделать для возниц – зимой в пути ноги укутывать, или кому богатому в спальню, вместо одеяла или ковра. В замок попробуй продать, но тебя туда вряд ли пустят.

– А с кем там говорить?

– С управляющим.

Сказал, что попробую, не получится – вернусь к нему, продам, за сколько возьмет.

* * *

Подъехал к воротам замка. Подъемный мост в землю врос, давно его не поднимали, нападения здесь не особо боялись. У ворот стражники стоят, в кольчугах, щиты к стене прислонены, в руках алебарды – на трехметровых древках с пиками небольшие топоры со скошенным лезвием, с обратной стороны от топора – шип вбок торчит, броню пробивать или всадника зацепить и с коня стащить.

Поздоровался. Сказал, что для капитана замка есть сообщение – видел отряд в лесу, староста деревни просил сообщить.

Послали за капитаном, мне сказали проехать внутрь двора и там около ворот остановиться.

Проехал, встал, с коня слез.

Пока ждал, начал озираться. Интересно же – настоящий замок.

Стены толстые, несколько метров толщиной, у ворот – надвратная башня и через нее сделан длинный коридор. Под потолком коридора – бойницы. С внутренней стороны – решетка, сейчас поднятая, это на случай, если ворота протаранят.

Коридор я проехал, внутри открылся небольшой дворик, мощеный камнем. За двориком – громада дворца и другие строения.

Недалеко от меня карета и две телеги стоят с выпряженными конями. На телегах и около них люди какие-то необычные. Сразу бросается в глаза, что они одеты ярко, как попугаи. У одного кафтан сшит из красных и зеленых ромбов. Как у арлекинов, только у тех вроде черно-белые, а этот – цветной. У другого – один чулок синий, второй зеленый, шорты красные, с прорезями, а в прорезях – желтая подкладка просвечивает. И кафтан еще – половина зеленая, вторая – синяя. А на голове берет с пером. Так вот ярко они все разодеты. Первой мыслью было – клоуны какие-то, или артисты. Присмотрелся – нет, не артисты. Военные. У всех на поясах короткие мечи, все широкоплечие, с прямыми спинами и шеями – привыкли на себе латы таскать и снаряжение. Все взрослые, старшим лет по сорок уже.

Я уже рассмотрел их, взгляд отвел в сторону дворца – там какие-то люди вышли. Вдруг слышу:

– Кривоглазый, ты чего уставился? Слышь, кривоглазый, оглох, что ли?

Не сразу сообразил, что это ко мне обращаются. У меня же шрам на щеке, он чуть уголок глаза оттягивает, так что у меня один глаз слегка кривоват.

Повернулся – подходит один из попугаев. Настроен агрессивно.

Я ноги чуть шире поставил, руки опустил, правая около рукояти ножа. Думаю – у него меч короткий, для боя в свалке, таким мечом не рубят, а колют вроде. По крайней мере, римские легионеры именно так его использовали. Если он будет колоть – я кожаным наручем удар попробую отвести и ножом его достану, он же без кольчуги. А дальше посмотрим – тут, в конце концов, не дикий лес, просто так убивать людей не принято. Стражники рядом стоят – должны же они за порядком следить?

– Шпионишь, сука равнинная? – продолжает распалаться попугай.

– Стоять! – послышалось со стороны дворца. Оттуда двое богато одетых мужчин приближались. Один в кафтане с вышитым баронским гербом, второй одет как попугай, но богато, в чистой одежде, и перевязь на нем наискосок, черная лента. Похоже, знак отличия какой-то.

Тот, что с перевязью, подошел, положил гневному попугаю руку на плечо.

– Ты совсем глаза потерял, Люк? Расслабились за время перемирия, суки?

– Ты чего командир? Тут какая-то деревенщина кривоглазая на нас смотрит, шпионит.

– Кривоглазый, повернись правым боком.

Я медленно повернулся.

– Вот сука! – агрессор увидел нож в ножнах на моем поясе и выругался, но не столько от злости, сколько удивленно.

– Ты вообще ослеп? Где ты крестьян с ремнем и наручем лучника видел? А лук у седла как не заметил?

Потом ко мне повернулся:

– Откуда шрам на морде получил?

– С медведем поспорил. Он меня съесть хотел, а я не хотел, чтобы он меня ел.

– И как?

– Тяжело, – вздохнул. – Но мне повезло, а ему – нет.

Командир опять повернулся к Люку:

– Как ты еще жив до сих пор, щенок тупой? Иди с глаз моих.

– Так шпионил же!

– Без тебя разберемся.

Агрессивный попугай убег к своей телеге и товарищам.

* * *

Заговорил мужик с баронским гербом, седой уже, явно военный, роста среднего, но плечи и грудь такой ширины, что непонятно, как в двери проходит. Сначала к командиру попугаев обратился:

– Капитан, напомни своим псам, где они находятся. То, что вам позволено в Прибрежной марке, по эту сторону леса творить нельзя. Здесь барон решает, кому жить, а кому умирать. Кто меч обнажит без достаточной причины – руку отрубим.

– Напомню, – кивнул.

Потом седой ко мне обратился:

– Я капитан замка. Ты кто такой и зачем звал?

– Охотник я. Зовут Тимос. Из деревни под лесом. Вчера около дороги в Прибрежную марку видел отряд каких-то вооруженных людей. От нашей деревни полтора дневных перехода, к этой ночи могут дойти, если к нам идут. Староста боится – на деревню нападут.

– Здесь кто-нибудь твою личность подтвердить может?

– Скорняк местный может, я ему давно меха на продажу таскаю.

– Ладно. Пошлю к нему проверить, ты тут побудешь, пока посыльный не вернется. А пока, – что за людей видел, рассказывай. Много их? Как одеты и вооружены?

Я попытался ответить на его вопросы, но оказалось, разведчик из меня так себе: многие вещи я или не рассмотрел, или не считал важными. Честно сказал, что весь лагерь не видел, только пару костров и четыре палатки. А сколько их всего в кустах пряталось – неизвестно.

Капитан задумчиво помял подбородок.

– Ладно, спасибо за предупреждение, я к вам нашего некроманта отправлю, пусть у вас несколько дней побудет, на случай нападения. Всё равно сидит без дела.

– А не подскажешь, с управляющим переговорить я могу? У меня пара больших медвежьих шкур на продажу – товар редкий.

Капитан пожал плечами, сказал – позовет. И ушел.

* * *

Командир попугаев стал мне уточняющие вопросы задавать.

– Прости, капитан, а вы кто такие? – уточнил я.

– В какой заднице ты живешь? Наемников из горных баронств никогда не видел раньше?

– В лесу я живу. А наемников... наемников-горцев видел как-то в детстве, да. Помню, как крестьяне девок прятали, когда отряд на ночь остановился в деревне.

– Сейчас мы на работе, сейчас девки могут гулять спокойно. Так где, ты говоришь, видел людей? Место указать сможешь? Может, они не идут куда-то, а ждут кого-то?

Дальше капитан наемников стал задавать свои вопросы, вплоть до того, много ли золы в кострищах было, и сильно ли загажены кусты вокруг палаток. Я пытался вспомнить и ответить.

В конце разговора наемник ушел в глубокую задумчивость.

* * *

Нас прервал еще один богато одетый господин. Толстенький такой, румяный.

– Ты что ли поговорить хотел? Я управляющий.

Я извинился перед наемником и стал объяснять, что у меня в наличии две единицы эксклюзивного товара. Из которого может получиться или роскошный ковер, или теплое покрывало для самой большой кровати, или можно шкуру нарезать на куски и сделать полости в кареты и на телеги – укрываться зимой в дороге. Я с такой уверенностью расхваливал медведей, что управляющий сдался:

– Давай посмотрим на твои шкуры.

– Здесь?

– Ну а где? Разворачивай на мостовой.

Я развернул. Две шкуры в тесном дворике заняли немало места. Большая – от носа до хвоста почти четыре метра, и примерно столько же в ширину, по размаху лап. Вторая ненамного меньше. Даже скучающие наемники-горцы подошли, стали разглядывать этих монстров и мерить шагами длину.

Управляющий назвал смешную цену. Я посмеялся. Управляющий немного накинул.

– Подождите! – сверху, из окна, послышался женский голосок. – Подождите, я спущусь.

* * *

Через минуту распахнулась дверь и из дворца вывалилась девица в богатом платье. Верхнее платье ярко-синее, вышито золотой нитью, нижнее из золотистого шелка, еще и края рубашки кружевные видны из рукавов и ворота. Выскочила из двери, на крыльце остановилась и дальше степенно поплыла к нам. За ней семенила служанка.

Девушка была совсем молоденькая – только-только вошла в брачный возраст. Невысокая, пухленькая. Она изо всех сил пыталась выглядеть взрослой госпожой, но иногда наружу вырывалось детское любопытство.

– А ты охотник? А ты сам убил этих медведей? А как ты их убил?

– Так это один из них тебе морду попортил? – прилетел вопрос от одного из наемников.

– Я охотник. Убил медведей сам, один. Убил их рогами, сделанными из молодых березок. Выследил, одного дождался у дерева с его метками, второго – у туши убитого мною же оленя. Дождался, раздражил, и когда они бросились – принял на рога, пяткой ее в дерево упер, и принял. Лицо мне попортил другой медведь, тот сам на меня охотился. Его тушу пришлось бросить – не до разделки мне было. Его я копьём и ножом убил.

Девушка прошла вокруг шкур. Шагами их померила вдоль и поперек.

– А можно их сложить, чтобы посмотреть, как на медведе кожа лежала?

– Пожалуйста, – подвернул края шкуры везде, получилось, как будто на земле лежит, растопырив лапы, медведь, попавший под каток.

У девушки прямо глаза загорелись.

– Ух ты! Такой большой! У нас в горах медведей таких нет, только горные коты. А этот экземпляр правда очень большой, или такие здесь не редкость?

– Правда. Этот вот – даже для Большого леса большой. А тот поменьше, но у него шерсть красивее.

– А в Прибрежной марке такие медведи есть?

Я пожал плечами. Ответил капитан наемников:

– Не, в марке даже мелкие медведи нечасто бывают. Там всех выбили давно.

– А у герцога такие шкуры во дворце есть?

Наемник задумался.

– Я не видел. Понятно, в спальне у герцога я не бывал, только в зале приемов, но там ничего похожего точно не было. Хотя на стенах были головы зверей, охотничьи трофеи, но вот медведей такой величины не было.

– Ой, я тогда куплю большую шкуру, герцогу подарю. А вторую – тоже куплю и кому-нибудь подарю. Или себе оставлю, в марке же холоднее, чем у нас?

– В марке зимой холоднее, чем у нас в нижних долинах, но теплее, чем в верхних.

– Угу. Но всё же холодно. И на постели такая шкура или покрывало, сделанное из нее, не помешают. Или ковер на полу, чтобы ноги не мерзли.

– Не мешают, госпожа.

Мне повезло. Для юной баронессы медвежьей шкуры оказались действительно эксклюзивным и очень своевременным товаром, который не стыдно использовать, как подарок самым взыскательным получателям. И цену она предложила эксклюзивную. Я и не мечтал продать их за золото, а вот – удалось. За большую шкуру дала десять золотых, малую я за пять уступил.

После завершения сделки юная леди потребовала:

– Мастер охотник, а теперь во всех подробностях расскажи, как ты охотился, чтобы я смогла потом пересказать это герцогу и другим знатным любителям охоты. Им будет интересно.

Девушка хотела, чтобы ее подарок стал не просто вещью, а еще и сопровождался интересной историей.

Я рассказал, во всех деталях, начиная от того, как обнаруживал следы, как выбирал место для убийства зверя и сооружал засеку вокруг, чтобы он меня обойти не мог, как принимал зверей на рогатину. Рассказ занял не меньше получаса. Девушка внимательно слушала и запоминала. Что было непонятно – уточняла. Не удивлюсь, если она сможет потом дословно пересказать мои слова – есть мнение, что у культурных людей до эпохи всеобщей грамотности была отличная память, не зря же они могли декламировать длиннющие стихи и цитировать труды богословов.

– Спасибо за рассказ, мастер охотник, – довольная девушка вежливо кивнула мне и ушла, отдав слугам распоряжение свернуть и погрузить в карету шкуры.

* * *

После посещения замка я стал настоящим богачом – у меня в сумме оказалось около двадцати пяти золотых. На эти деньги можно было купить сотню рабочих коней или полсотни скаковых. Или две сотни коров. А сколько бочек зерна можно приобрести – даже считать страшно.

Теперь можно было задуматься о покупках.

В первую очередь я зашел к брадобрею – меня раздражала борода, но не настолько, чтобы бриться самостоятельно обычным ножом. Мастер выбрил меня. Потом сделал мне модную стрижку, с которой «господа военные часто ходят». Стрижка оказалась вполне узнаваемым «хохлом», который на Земле когда-то любили польские шляхтичи и прочий военный народ – виски и затылок выбриты, а остальное выровнено «под горшок».

– Желаешь смазать лицо от роста волос? – поинтересовался мастер.

– А что за мазь такая?

– Ведьмой приготовлена. На неделю прекращает рост волос. Хочешь, зайди к ней и целый пузырек купи, сам будешь смазывать.

Я согласился на обработку, еще и у ведьмы решил купить мазь – возможность безболезненно избавляться от щетины стоила затрат.

После бритья я впервые рассмотрел себя в нормальном зеркале. В деревне у Лексы зеркальце было маленькое и из полированного металла, мутное и неровное, а на поверхности воды себя не очень-то рассмотришь. Лицо у меня оказалось правильным, без бороды – даже симпатичным. Вот только шрам всё портил. Понятно, почему Милка сначала кобенилась, не хотела со мной гулять.

* * *

После стрижки и бритья я зашел к портному. Спросил, есть ли у него что-то из готового платья.

Он на мою одежду посмотрел, напыжился и гордо заявил:

– Я только господ и мастеров обшиваю. Хорошая одежда готовой не бывает, она по фигуре шьется. Широкие штаны и рубахи безразмерные только крестьяне носят.

Я задумался. Мне хотелось, с одной стороны, чтобы одежда была мне привычна и удобна, а с другой – по одежке встречают. Если тут господа ходят в чулках, и мне не стоит выделяться. Чтобы у портного сформировать правильное отношение, вытащил золотой из кошелька и стал подкидывать в ладони. Подкидывать и поглядывать на ткани, выложенные на полках.

У портного от моих упражнений чуть слюна не закапала.

– Расскажи бедному охотнику, какие ткани у вас есть, – начал я разговор.

Ткани, как оказалось, бывают тут трех видов. Из льна – зимами, когда работы мало, крестьянки из него ткут полотно у себя по избам, но есть и тоньше работа, сделанная на мануфактурах рабынями. Из хлопка – их возят с юга, из-за гор, или через Прибрежную марку по морю. А еще есть разные сорта шерстяных тканей, их делают в горных баронствах. Есть еще шелк, но его нет – дорог и в нашей глуши спросом не пользуется.

Дальше я начал ломать портному стереотипы.

Я заказал ему три короткие, до пояса, нижние рубашки из тонкого хлопка. Из такой же ткани я заказал пять семейных трусов: «как шорты у благородных, только из мягкой ткани». Портной долго доказывал, что так ходить нельзя. Трусы обошлись дорого, но мне очень хотелось.

Потом вместо чулок я заказал штаны, две пары. Портной, бедняга, глаза выпучил, когда понял, что шорты с прорезями я носить не планирую. Оказывается, в наше просвещенное время шорты прикрывают зад, а раньше (в глухих углах и сейчас так ходят) господа носили только чулки, а задница у них оставалась прикрыта нижней рубахой и туникой. Пришлось заверить мастера, что туники я носить не планирую, и все будут видеть, что я в штанах, а не с голым задом.

– Но ты же будешь одет как крестьянин! – не согласился портной.

Я задумался, а потом вспомнил, что я и есть крестьянин. А если я перестану быть крестьянином, то одежду можно обновить в Прибрежной марке. Всё равно вряд ли портной из захудалого баронства в курсе современной моды.

Еще кафтан себе заказал, чтобы видно было, что человек я не простой.

Еще отдельно заказал комплект из штанов, куртки и рубашки на пуговицах (для портного обе последние позиции были кафтанами, только из разной ткани), всё – зелено-коричневых расцветок. Вместо камуфляжа, до которого в этом мире додумаются еще не скоро.

И котомку еще такую же, камуфляжной расцветки. И рюкзак простейший, на случай, если без коня передвигаться придется.

Портной снял мерки и потребовал на работу три дня, считая сегодняшний. У него в задних комнатах бригада белошвеек сидит, так что сделает быстро.

* * *

У сапожника я заказал сапоги с короткими голенищами. Тут спорить и объяснять не пришлось.

Сапожник посмотрел на мои мокасины, спросил, носил ли я сапоги до этого, подсказал, чтобы портянки из домотканой ткани не крутил – с непривычки натру ноги. Посоветовал купить мягкой хлопковой ткани на портянки. Или чулки носить, как господа носят.

Я сходил в галантерейную лавку, купил ткани на портянки. Заодно – пару отрезков ткани в подарок Лексе и ее семье.

Потом к кузнецу пошел. Во-первых, игольчатые наконечники для стрел купить, да и листовидных тоже. Если я в поездке с плохими людьми пересекусь, может, придется по бойцам в кольчугах стрелять. А у меня нечем.

Посмотрел выставленное на продажу оружие, захотел себе боевой нож заказать, вроде тех, которые на Земле используются. Кузнец поинтересовался, зачем. Я объяснил – мой охотничий нож сделан для крупного зверя, для человека он слишком длинный: быстро им не махнешь, и застрять в теле может.

Кузнец предложил не изобретать велосипед и купить меч-кошкодер. Длинной этот меч чуть больше моего охотничьего ножа, обоюдоострый, с тонкой гардой, которая завивается в овал – чтобы кисть прикрывать, если меч противника плашмя проскальзывает. Меч хороший, можно рубить, а можно быстро уколоть в незащищенное место. Аргументы кузнеца звучали убедительно. Все наемники так вооружены, а они не глупее меня. Но я-то не наемник. Наличие меча не сделает меня воином – ни навыков у меня нет, ни кольчуги. Отказался. Но и нож земного типа не стал брать, решил, что лучше иметь что-то, что пробьет доспех. Взял себе кинжал-мизерикорд, длиной в три ладони, цельнокованный, с прочной гардой, с четырехгранным игольчатым острием: хочешь – в цель забрала войдет, хочешь – сквозь кольчугу, если ударить посильнее.

* * *

После завершения всех покупок я припарковал Овеца к коновязи во двореке перед домом ведьмы и зашел к ней. Мазь от роста щетины купить и вообще – интересно же.

Дом ведьмы был бревенчатым, выглядел, как обычная изба, но двухэтажный. Он, как и другие мастерские и лавки, имел отдельные входы для клиентов и для личных нужд. Внутри на первом этаже передняя половина была отведена под прием клиентов. Там шкафы стояли со всякими склянками и амулетами, прилавок был, в углу – кабинет отгорожен для секретных разговоров и лечения.

За прилавком сидела в кресле ведьма. Увидела меня, встала, почему-то улыбаться стала, как родному. Женщине по виду лет под тридцать, высокая, сексуальная, женственная, лицо чуть скуластое, шея прямая, крупная грудь угадывается под платьем, голос у нее с хрипотцой. Такая улыбнется, заговорит – сразу хочется ее в постель завалить. Мне хочется, а Тиму она староватой казалась, когда он к ней ходил.

– Здра-а-австуй, красавчик, – мурлычет.

Я даже насторожился. Всё-таки меня, как и большинство мужчин, пугает, если женщина так явно начинает заигрывать. Сразу подозрения появляются – а что это она задумала? А не мошенница ли? Не шантажистка ли? А может она меня усыпит, в печь сунет, зажарит и потом съест?

– За чем пришел?

– За мазью от роста бороды. А еще за амулетом, чтобы от коня в лесу хищников отпугивал.

Ведьма пошарила на полках, выставила склянку и кусочек кожи на шнурке. Взяла у меня десяток копеек за мазь и рубль за амулет. На прилавок оперлась, прогнулась, чтобы грудь платья натянула.

– Может, что-то еще могу сделать для тебя?

– А что ты можешь?

Задумалась.

– Зубы не болят? Болезни может? Или, – улыбнулась шире. – Дать тебе настой, чтобы девок валять целую ночь без перерыва?

– Не, это не интересно.

– Могу шрам удалить.

– Шрам – это интересно.

– Но это дорого, золотой. У тебя, красавчик, золотой есть?

Я задумался. Золотого было жаль. Но и лицо поправить хотелось.

– А если нет, можем по-другому договориться, – мурлычет ведьма.

Среди крестьян шли слухи, что ведьмы на передок не воздержаны, так что я ее напору не сильно удивился. И даже всерьез задумался: женщина симпатичная и, наверное, намного более умелая и раскованная, чем Милка. А венерических болезней тут нет, да и неплановых беременностей у ведьмы не может быть, как и желания срочно выйти замуж.

Ведьма сообразила, что я не против договариваться. Обошла прилавок.

– Сейчас посмотрю, насколько сложно с твоим шрамом работать будет, – к шраму прикоснулась, замерла.

– Ох ты ж мать моя ведьма!

– Что?

– Ты кто такой и почему так одет?

– Охотник я.

– А проверку на магический дар проходил?

– Нет. Сирота я, некому было об этом заботиться, а потом вообще в лесу жил. Да и зачем – дар же по наследству передается?

– Не знаю, какое у тебя наследство, но у тебя дар некроманта. Сильный. То-то я как тебя увидела, потекла вся.

Новость ошарашила. Я – некромант. Маг. И смогу убивать одним взглядом.

– И что теперь?

– И теперь ты обязан идти учиться в академию некромантии. Приехать туда надо до пятнадцатого ноября, когда учебный год начинается. Мне придется сообщить о твоём обнаружении, так что не вздумай опоздать.

– Почему пятнадцатого ноября?

– Балда, уборка урожая заканчивается и осенние праздники. Во всех академиях с августа по середину ноября осенние каникулы, в апреле-мае – весенние.

Я засомневался:

– Не верится мне в дар. Не могла ты ошибиться? Нет у меня никаких родственников-некромантов.

– Ошибиться не могла, я чувствую дар. Некромантия – это обратная сторона дара жизни, мы одинаково видим, только ведьмы эфирную проекцию жизни умеют усиливать и менять, а некроманты – ослаблять. Женщины – ведьмы, мужчины – некроманты, а так мы одинаковые.

Я всё еще не верил.

– Да ты проверить можешь. Посмотри на что-то неживое, потом на живое. Живое ты будешь видеть ярче. Трава чуть ярче дороги, животные ярче травы, а ярче всего – люди.

Я подошел к окну, присмотрелся. Действительно так. Раньше внимания не обращал, думал – все вокруг яркое, потому что глаза стали молодыми. Но действительно, Овец как будто ярче травы, а трава – ярче вытоптанной полянки. Даже не ярче, а как на некоторых фотоснимках – когда какой-то предмет в фокусе, а остальное размыто, глаз сразу фиксируется на том, что резко видно.

– И как этим управлять?

– Управлять тебя в академии научат. Вообще, убивать взглядом ты можешь и так научиться, это природная способность, заклинаний и *мыслеформ* не требует. Но делать этого не советую – все сомнительные смерти проверяются на некромантию амулетом и расследуются.

– А если животное убить?

– Животное можно. Но как вас этому учат, я не знаю.

Вопросов по некромантии и учебе было много, но я не знал, о чем спрашивать в первую очередь. Да и ведьма не знала многого, всё-таки некроманты свои методы стараются держать в секрете. Новость о моем даре надо было осмыслить в спокойной обстановке. А пока...

– Так что ты о шраме говорила?

Ведьма засмузилась. Потом осмелилась:

– Я уберу шрам, а ты мне за это дочь сделай.

– Чего?

– Дочь. Из-под тебя получится сильная девочка, а мне уже пора дочкой обзавестись.

Я обкатал эту мысль в голове.

– Я не готов стать отцом.

– А от тебя и не требуется. Девочек ведьмы всегда сами воспитывают. Ты вообще можешь о ней не вспоминать. Сунул, вынул и уехал. Всё.

Ведьма замерла в ожидании ответа. Что-то мне подсказывало, что ей очень хочется затащить меня в постель с целью зачатия. Намного сильнее, чем просто затащить в постель. Важно для нее это.

– А почему к некроманту из замка не обратилась с такой просьбой?

– Он старый уже, да и дар у него слабенький.

– Если я соглашусь, что от меня потребуется, как это на меня повлияет?

– Ничего не потребуется, никак не повлияет, переспишь, да и поедешь дальше.

– Никаких приворотов, долга крови, раздела имущества?

– Ты из какой глуши вылез? Какой еще раздел имущества? – округлила ведьма глаза. – Нет, ничего такого. Наоборот, я тебе потом всегда помогу, если надо будет, ты же будешь отцом моего ребенка, не чужой человек.

Ведьма увидела, что я еще колеблюсь, вдохнула и выдала:

– А хочешь, я тебе сына рожу. Только сначала дочь, а сын потом.

– А сына кто будет воспитывать?

– Тоже я. Потом в школу некромантов его отдам, как по указу Совета баронов положено, потом в академию. А ты будешь ему помогать, если захочешь. Некроманты обычно сыновьям помогают.

У меня от ее предложений окончательно голова кругом пошла. Крестьяне всех этих тонкостей не знают, для меня всё это оказалось сюрпризом.

Немного подумал, потом решил – почему бы и нет? Красивой женщине окажу услугу, от шрама избавлюсь, удовольствие получу, а еще у меня будет должница-ведьма.

Конечно, была вероятность, что она меня обманет и, допустим, принесет в жертву. Привяжет к кровати и ка-а-ак воткнет нож мне в грудь... Но если бы здесь ведьмы направо и налево людей в жертву приносили, об этом сплетничали бы, и я такие сплетни услышал бы. К тому же моя интуиция подсказывала, что ведьма меня опасается. Для нее я альфа-самец и господин в одном флаконе.

Шрам она мне убрала. Касалась пальцами осторожно, я чувствовал жар. Заняло это около часа. Потом еще на плече убрала мелкие шрамы, сустав плечевой немного подлечила, и на руке шрам от укуса волка убрала.

– Ну вот, – закончила она, встряхнула руками. – Я тебе след на лице не до конца убрала, оставила линию – пусть люди видят, что ты не простой человек, а человек со шрамом.

Я посмотрелся в зеркало. Симпатично получилось. Кожа выровнялась, уголок глаза на место встал, осталась тонкая белая ниточка на скуле и щеке. И не безобразно, и делает лицо более мужественным. Если бы я такого человека в земной жизни встретил, то отнесся бы к нему серьезно. Пусть будет, права ведьма.

Продолжили мы общение уже в постели. Ведьма оказалась хороша – смелая, умелая и горячая, как кубинка. Я ее обучил некоторым изыскам из земного опыта.

Когда я откинулся на подушку, ведьма поводила пальчиком по моей груди, и спросила:

– Тебя как звать-то?

– Тимос. Тим.

– А меня – Арабелла. Для тебя – Белка.

– Вот и познакомились...

Мы так хорошо провели время, что появились мысли, что можно и переночевать у нее, и утром продолжить. Но я мужественно собрался и ушел.

Прощаясь, ведьма попросила:

– Ты, когда будешь приезжать за своими заказами в лавках, еще раз зайди, я не уверена, что сегодня получилось зачать. Да и просто – заходи.

– Неужели мы так старались – и ты всё еще не уверена? – усмехнулся я. – Обязательно зайду.

5. Бой в лесу

План битвы не переживет ее начала.

А кто переживет ее конец?

* * *

Я был неприлично благодушен и расслаблен, когда возвращался в деревню.

До заката было еще долго, спешить некуда. Погода хорошая. Бабочки порхают, пчелы жужжат, Овец лениво шагает по дороге.

Дорога однообразная, конем управлять не надо. Погрузился в свои мысли.

Сначала я вспоминал Белкино тело. Очень от нашей встречи яркие впечатления остались. Потом размечтался о том, что я теперь некромант, и другие ведьмы тоже будут рады со мной подружиться. А ведьмы умеют управлять своим телом, значит все, как на подбор – темпераментные красавицы. Хотя их представления о красоте могут отличаться от моих, но всё равно выбор красавиц будет хорошим. И в том месте, где я буду учиться – тоже ведьмы найдутся.

Мысли на учебу перескочили. Мне придется учиться некромантии. Учиться я не против, но я даже читать и считать по-местному не умею. Тим-то неграмотным был. Надо в следующую поездку в село с этим вопросом разобраться. Азбуку какую-то купить, что ли. Восковые таблички и стило – в письме тренироваться. Учебник по математике для детишек. О том, что здесь десятичная система счисления, я уже знал, но у римлян она тоже была десятичной, а попробуй римскими цифрами посчитать элементарный пример – замучаешься.

* * *

Еду я такой, думаю о всяком, слышу сзади топот копыт. Какой-то пожилой господин в коротком темно-зеленом плаще на плечах, с ним четверо стражников в кольчугах, с копьями, все – на хороших скакунах.

Едут намного быстрее меня, догоняют.

Догнали.

– Стой! Кто такой? Почему в такой одежде?

Я остановился. Смотрю, стражники меня в полукольцо взяли, копьями целятся в мою тушку.

Объясняю, что охотник я, из деревни под лесом, в селе по делам был.

– Ты проверку на магические способности проходил?

– Не проходил, сегодня только ведьма сказала, что у меня дар. А ты – некромант из замка?

Дальше пошли те же вопросы, что ведьма задавала: почему не проходил, кто родители, сколько лет.

Некромант лоб почесал:

– Мать в замке не служила?

– Нет.

– Ты первый ребенок? Может, она свадьбой беременность прикрыла?

– Нет, старше меня есть дети и младше, нет ни ведьм, ни магов.

– И мать не ведьма?

– Нет.

Вздыхнул.

– Ну, моим сыном ты точно не можешь быть. Может проезжий кто постарался – тут двадцать лет назад часто военные отряды ездили, и некроманты с ними. А может ты вообще подкидыш, дар слишком сильный, такой у плода ведьмы и некроманта обычно бывает.

Я решил воспользоваться случаем и узнать что-то о своем даре.

– Господин маг, правда, что некроманты умеют взглядом убивать?

– Правда. Не взглядом только, а желанием, – маг стронул коня и поехал шагом, я – рядом с ним. – От умения и силы мага зависит расстояние, на каком это действует.

– И защиты от этого нет?

– Есть, конечно. Амулеты есть защитные. Или другой некромант может защитить. Еще ведьму или другого некроманта сложно убить сырой силой, даже если неожиданно ударить. На этот случай *мыслеформы* есть, они эффективнее, но и от них есть защита.

– Господин маг, научи меня хоть простейшему удару.

– В академии научат.

– Мне до нее еще добраться надо.

– Нельзя убивать некромантией, только если для самообороны, или по заданию сюзерена, или преступников. Другие убийства строго расследуются и наказываются смертью.

Я хмыкнул.

– А у нас в деревне болтают, что ты, господин некромант, на днях одного парня пытался убить по заказу сына мельника.

Некромант побледнел.

– Что прямо так и болтают?

– Ну! И у меня вопрос возник: как вообще какой-то сын мельника смог в замок попасть, с тобой поговорить и уговорить тебя на преступление, которое так строго расследуется?

Некромант вздохнул.

– Получается, пытался убить, но не убил? Это я тебя, что ли? – я в ответ кивнул.

Маг отвел глаза.

– Так получилось. Парень отца уговорил. Мельник попросил управляющего замком свести его со мной, тот с ним знаком, он в замок муку поставляет. Управляющему это ничего не стоило – он и свел. Мне сказали, парень в лесу живет, труп не найдут. Я и оказал услугу, мне не тяжело.

– Совесть не мучает?

– Сопляк ты еще. Мне уже больше ста лет, я столько людей убил, что пересчитать не могу. Одним больше, одним меньше – мне без разницы. Что, в суд теперь на меня подашь?

– Не, смысла не вижу. Лучше научи убивать. Вдруг медведь встретится или разбойники.

Некромант пожал плечами, но согласился, стал объяснять.

По его словам, нужно посмотреть на жертву, увидеть *энергию* жизни, которая подсвечивает ее, а потом погасить ее, представить, как жертва тускнеет. Всё просто, но получается далеко не сразу.

– В первый раз проще человека убить, у людей *энергия* сильнее светится, чем у животных. В академии начинающих студентов тренируют на преступниках и рабах. Еще лучше сначала посмотреть, как кто-то умирает, рассмотреть, как гаснет *энергия*, а потом сразу попытаться повторить это своей волей. Тренируйся – может и получится.

– Я с ведьмой говорил, она о какой-то эфирной проекции упоминала.

– Это она и есть. Эфирная проекция человека обычно душой называется, а у другой живности – духом. Свечение *энергии* – это проявление связи тела с эфирной проекцией.

Некромант описал методику тренировок, которую применяли в академиях для новичков. Я еще оплатой учебы поинтересовался. Маг сказал, что оплата – это очень дорого, но можно отучиться за счет академии, тогда придется после выпуска отработать десять лет. На этом разговор окончился, некроманту надоело ехать шагом, он попрощался и перешел на рысь. И стражники за ним.

А я до деревни ехал не спеша и тренировал зрение – рассматривал то траву, то коня, то свое тело.

К Милке в тот вечер не пошел – после ведьмы моя подружка показалась бы скучной. Хотя молодое тело намекало, что удовольствий много не бывает, надо пользоваться, пока есть возможность.

* * *

С утра я выехал в лес, к своей землянке. Поехал напрямик, по тропам. Понятно, что так медленнее, чем по дороге, но кто знает, куда пошел тот отряд разбойников, который я видел? Может, я отправлюсь по дороге, а они ближе к опушке подошли и сидят в засаде. И мне засадят. Потому что у меня есть конь и деньги, и я один. А им конь и деньги нужнее, и их много.

Добрался я до землянки благополучно, переночевал, на рассвете начал собираться, паковать те шкуры, которые хотел продать кожевнику.

Загрузил тюками Овца, пошел с ним в сторону дороги. Я хотел выйти к тому месту, где был лагерь разбойников, посмотреть осторожно – там ли они. Если там – обойти, выйти на дорогу и дальше по ней бежать.

Лагерь опять заявил о своем приближении запахом дыма и подгоревшей каши. Потом к этим запахам примешалась и вонь сельского туалета.

Я оставил коня чуть подальше, сам подобрался посмотреть. Картина выглядела так же, как и в прошлый раз. Палатки среди кустов, костры, вооруженные люди в одежде с чужого плеча, потасканные женщины. Разбойники завтракали. Я вспомнил те вопросы, которые мне задавал капитан стражи, попытался пересчитать людей, рассмотреть их вооружение. Насчитал больше трех десятков человек, но гарантий, что это все, не было – большая часть лагеря пряталась за кустами.

Понял, что больше ничего интересного тут не увижу, вернулся к коню, обошел лагерь по широкой дуге и вышел на дорогу.

* * *

Сначала Овец трусил ленивой рысью, я почти тащил его за повод, но потом я разогнал его, периодически покрикивая «Хо! Хо!». Когда рысь перешла в галоп, я схватился за стремя и понесся рядом с конем длинными прыжками.

Это было прекрасно. Тело радовалось движению, а душа – скорости. Такого ощущение свободы я не помнил со времен юности.

Я так увлекся, что совсем забыл, что мне могут встретиться опасности. Даже когда увидел, что навстречу по дороге по своим делам идет крупный бык-бизон, я не стал тормозить. Животное услышало нас с Овцом издалека, остановилось, грациозно повернуло массивную тушу и беззвучно исчезло среди зарослей.

А чуть позже я вылетел прямо на военный отряд, ошарашенный такой встречей.

Я с конем выбежал из-за кустов и увидел знакомые телеги и карету.

Впереди отряда на мощном скакуне сидел всадник в кольчуге и шлеме. От неожиданности он, как и другие воины, отреагировал на меня, как на опасность: крикнул «К бою!», надвинул забрало, наклонил копье. Уже даже наклонился вперед – одно движение, и пошлет коня в галоп.

Пехотинцы в кольчугах соскочили с телег, схватили прямоугольные щиты, напялили на головы круглые шлемы, взяли копья, ошетинились во все стороны.

Позже выяснилось, что этот отряд вышел из баронского замка на следующий день после нашей встречи. Двигался он медленно – успел только неглубоко войти в лес, там переночевал, и теперь продолжил путь после завтрака.

Я успел остановить Овца и поднять руки.

– Спокойно, я не враг.

Всадник расслабился, огляделся, подъехал ко мне шагом. Под забралом оказалось лицо капитана наемников-горцев, которых я встречал в замке барона.

– Я охотник, мы встретились в замке барона. Я о разбойниках рассказывал.

– Не узнал бы. Без бороды и подстриженным ты на человека похож. И морду подправил?

– Да, стараюсь развиваться. Еще немного, и стану похож на наемника, а там и до капитана дорасту.

– Шутник, значит? Там Люк хотел над тобой пошутить.

Я улыбнулся:

– Если Люк станет меня обижать, я вам не скажу, что видел сегодня с утра.

Капитан заинтересовался. Пока мы беседовали, телеги подкатили ближе, передний десяток наемников встал рядом, так чтобы и слышать, и по сторонам смотреть. И юная баронесса из кареты вышла, к нам подошла.

– Мастер охотник? – удивилась.

– Госпожа, – поклонился я.

Дальше я рассказал, что лагерь разбойников всё еще на месте, сколько людей там насчитал, на каком они расстоянии.

К моему удивлению, капитан даже не задумался о том, чтобы вернуться. Я спросил, почему.

– А смысл? Дороги тут другой нет. По лесным тропам мы не проедем. Нам приказано доставить баронессу, мы доставим. Наш отряд может перебить сотню разбойников, если правильно подготовиться. Вот ты нам и поможешь.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.